

Черный лед

Автор:

Энн Стюарт

Черный лед

Энн Стюарт

Хлоя уже давно привыкла к тихой и размеренной жизни в Париже. Предвкушая очередное Рождество, она совершенно неожиданно получает предложение поработать переводчицей на бизнес-конференции в далеком замке... Но новая работа, казавшаяся такой заманчивой, становится вдруг чересчур опасной – клиенты занимаются торговлей оружием, и Хлоя понимает, что ее жизни угрожает нешуточная опасность. Но, кажется, красавец Бастьен отличается от всех тех, с кем он работает, и хочет помочь ей! Так ли это? И к чему приведут его благородные намерения?

Энн Стюарт

Черный лед

Глава 1

Сколько бы ни восторгались ценители парижской весной, думала Хлоя Андервуд, идя по улице и кутаясь в пальто, но в действительности ничто не сравнится с зимой в городе огней. Начало декабря. Листва облетела, морозный воздух был свеж, а группы туристов поредели настолько, что жизнь сделалась приемлемой. В августе она всегда недоумевала, что же заставило ее сняться с места и уехать за три тысячи миль от своих родных. Но потом приходила зима, и память к ней возвращалась.

Если бы с наступлением августа она покидала город, оставляя его туристам, как поступают все французы, это могло бы помочь делу, но ей все еще не удалось подыскать работу на таких роскошных условиях, как наличие отпуска, медицинской страховки или зарплаты на уровне прожиточного минимума. Хлоя была счастлива, что вообще умудрилась найти хоть какую-то работу. Ее пребывание во Франции было не совсем легально, и обычно она утешала себя тем, что жизнь здесь – сама по себе благо, даже если приходится делить крохотную квартиру в доме без лифта с подружкой-экспатрианткой, не страдавшей излишним чувством ответственности. Сильвия редко вспоминала о том, что надо платить свою долю аренды, ни разу в жизни не подмела пол и считала, что вся мебель и вообще любая свободная поверхность в квартире предназначены для того, чтобы она могла разбрасывать по ним свой до изумления богатый гардероб. Но при этом она носила тот же размер, что и Хлоя, и охотно делилась с ней одеждой. К тому же она бесхитростно поставила себе целью выйти замуж за состоятельного француза и, преследуя эту цель, большую часть ночей проводила вдали от их тесного жилища, оставляя Хлое возможность дышать более свободно.

Собственно, именно Сильвия и подыскала Хлое ее теперешнюю работу – перевод детских книжек. Сильвия два года работала на маленькое издательство «Братья Лоран» и, добиваясь продления контракта и пристойной оплаты перевода шпионских романов и триллеров, переспала со всеми тремя немолодыми братьями. Переводные детские книги приносили меньше дохода, и Хлое, соответственно, меньше платили, но, по крайней мере, ей не приходилось просить денег у родственников или трогать небольшой капитал, который оставили на ее имя дед с бабкой. Не то чтобы родители ей потакали. Эти деньги были отложены на получение образования, а работа за гроши в Париже едва ли могла рассматриваться в качестве университетского курса.

Если бы ее не сковывали условия получения работы в Париже, она могла бы подыскать что-нибудь многообещающее. Французский она знала великолепно, к тому же бегло говорила по-итальянски, по-испански и по-немецки, неплохо ориентировалась в шведском и русском и даже слегка понимала арабский и японский. Она любила работать со словом, почти так же, как любила готовить, хотя, похоже, свои таланты ей все же следовало проявлять подальше от кухни. По крайней мере, именно так ей было сказано, когда ее среди рабочего дня уволили из знаменитого «Кордон-блю». Слишком много воображения для начинающей, сказали ей. Недостаточно уважения к традициям.

Хлоя всегда относилась к традициям без особого уважения, в том числе и к той семейной традиции, в соответствии с которой все Андервуды посвящали себя медицине. Все пятеро ее ближайших родственников остались в горах Северной Каролины. Ее родители были терапевтами, два старших брата – хирургами, старшая сестра – анестезиологом. И все они до сих пор так и не смогли поверить, что в список самых заветных мечтаний Хлои не входило поступление в медицинскую школу, игнорируя тот факт, что никого в мире сильнее не тошнило при виде крови, чем юную представительницу семьи Андервуд.

Нет, Хлоя вовсе не собиралась трогать отложенную для нее кругленькую сумму до тех пор, пока не сдастся и не поступит в медицинскую школу. Но прежде чем она это сделает, ад остынет.

Между тем она могла творить потрясающие блюда из пасты и свежих овощей, но, сколько бы она ни старалась воздерживаться от углеводов, они, похоже, питали к ней нежную любовь, откладываясь в ее нижней части. К двадцати трем годам телосложением она уже никак не могла походить на кокетливого подростка, не могла она и превратиться в типичную француженку. Ей попросту недоставало даже того стиля, каким в избытке обладала ее соседка по квартире, англичанка Сильвия. Она могла носить наряды Сильвии, но ей никогда не усвоить ту слегка высокомерную, слегка взбалмошную манеру, которая ей так нравилась. Возможно, мешали тяжеловатые ягодички.

Издательство «Братья Лоран» располагалось на третьем этаже старинного здания близ Монмартра. Хлоя, как всегда, пришла первой и заварила себе крепкий кофе, какой очень любила. Баюкая кружку в замерзших ладонях, она глядела вниз на оживленную улицу. Братья на ночь выключали отопление, а ей, как самому младшему работнику, не позволялось дотрагиваться до термостата, так что она приспособилась держать в выделенной для нее крохотной комнатухе запасной свитер. Настроения работать у нее не было – стоял великолепный денек, небо яркой лазурью накрыло окрестные старинные дома, и приключения неустрашимой маленькой лисички Флоры ее ничуть не увлекали. Недостаточно секса и острых ощущений, думала Хлоя тоскливо. Тяжеловесные нотации, изрекаемые тощим зверьком, наряженным в розовую балетную юбочку, и самодовольная мораль республиканской Америки. Ей хотелось, чтобы Флора хоть раз вылезла из своей балетной пачки и отымела бы несчастного хорька, который положил на нее глаз. Но Флора никогда не опустилась бы столь низко.

Хлоя отхлебнула кофе из чашечки. Крепкий, как вера, сладкий, как любовь, черный, как грех. Она не превратится в настоящую парижанку, покуда не начнет курить, но так далеко она не зайдет даже ради того, чтобы досадить родителям. Кроме того, чем дальше от нее ее родители, тем меньше у нее желания им досаждать.

Пошел уже второй час, но никто, кроме нее, еще не добрался до офиса, и она сказала себе, что не случится ничего особенного, если она потратит несколько драгоценных минут на небольшую передышку, прежде чем обратится к надоевшей до чертиков Флоре. Ничего удивительного, что ее так раздражал вымышленный персонаж. Ей самой было необходимо немножко секса и острых ощущений в собственной жизни.

Будь осторожнее со своими желаниями, прошептал ей на ухо внутренний голос, но Хлоя отмахнулась от него и допила кофе. Секс был замечателен своим полным отсутствием за последние десять месяцев, а ее последняя связь была настолько неинтересной, что даже не возбудила желания искать ей замену. Не потому, что Клод был таким уж плохим любовником. Он гордился своим мастерством и ожидал, что на эту нескладную американочку оно произведет впечатление. Она не впечатлилась.

И наверное, могла бы обойтись без тех слишком острых ощущений, которые сопутствуют насилию. Насилие обыкновенно сопровождается кровью, а кровь вызывала у нее тошноту. Не то чтобы она в своей жизни часто сталкивалась с настоящим насилием. Семья ее оберегала, и она весьма ценила свою безопасность. Хлоя не заглядывала по ночам в опасные городские районы, запирала двери и окна, старательно смотрела по сторонам и усердно молилась, прежде чем пересекать убийственные парижские шоссе.

Нет, она могла предвидеть, что ее ждет еще одна безмятежная зима в плохо отапливаемой квартире, макароны, перевод «Неустрашимой лисички Флоры» и «Мандарина Брюса», хотя как мандарин может жить самостоятельной жизнью, до сих пор оставалось для нее загадкой. Вероятно, именно потому она и тянула с Флорой, что следующим заданием, как ей было известно, станет цитрусовый плод.

Рано или поздно она подыщет себе другого любовника. Может, Сильвия наконец-то нападет на заветный клад, съедет с квартиры, и Хлоя приведет туда милого и благородного француза в очках в металлической оправе, с худым

телом и любовью к экспериментальной кухне.

Между тем неустрашимая маленькая лисичка так и ждала ее, а кроме того, приводила в уныние необходимость придумывать подходящий по смыслу книги французский эквивалент слова «неустрашимая».

О приходе Сильвии она догадалась раньше, чем та вошла, – по безошибочно узнаваемой манере, с которой каблучки ее дорогих туфель громко процокали по двум лестничным маршам, и приглушенному ругательству, сорвавшемуся с ее безукоризненно накрашенных губ. Интересно, какого черта Сильвия притащилась на работу за три часа до того, как она обычно сюда является?

Дверь с грохотом распахнулась, и влетела Сильвия. Она запыхалась, но ни единый волосок не выбился из ее прически, ни единого изъяна не было заметно в макияже.

– Вот ты где! – воскликнула она.

– Я здесь, – ответила Хлоя. – Кофе хочешь?

– Черт, нет у нас времени на кофе! Хлоя, дорогуша, ты должна мне помочь. Речь идет о жизни и смерти!

Хлоя моргнула. К счастью, она привыкла к театральным преувеличениям Сильвии.

– Ну, что на этот раз стряслось?

Сильвия моментально взъерошилась от обиды.

– Хлоя, я серьезно! Если ты мне не поможешь, я... я не знаю, что сделаю!

Она приволокла огромный чемодан, который протащила по всем лестничным маршам – неудивительно, что она устроила такой тарарам.

– Куда ты собралась ехать и что мне надо сделать, чтоб тебя прикрыть? – покоровшись судьбе, спросила Хлоя.

Огромного чемодана, набитого вещами, с которым большинство людей могли отправиться в двухнедельное путешествие, хватило бы Сильвии, чтобы прилично одеваться три или четыре дня. И значит, три или четыре дня квартира будет предоставлена в распоряжение Хлои, и ни за кем не надо будет прибираться. Она сможет открыть окна настежь, впустить свежий воздух, и никто не будет жаловаться на холод. Да, она охотно окажет ей помощь.

– Я никуда не еду. Едешь ты.

Хлоя опять моргнула.

– Но этот чемодан?..

– Я собрала его для тебя. Твоя одежда ужасна, ты сама знаешь, так что я сложила туда все, что может тебе подойти. Ну, кроме моего мехового пальто, но не думаешь же ты, что я тебе его отдам! – практически добавила она.

– Я вообще не думала, что ты мне что-то отдашь. И не могу я никуда уехать. Что скажут Лораны?

– Положись на меня, я тебя прикрою, – заявила Сильвия, оглядывая ее с ног до головы. – По крайней мере, для разнообразия ты прилично одета, хотя я бы на твоём месте выбросила этот шарфик. Ты сможешь там прекрасно устроиться.

Дурное предчувствие охватило Хлою.

– Устроиться где?.. Слушай, сделай глубокий вдох и скажи мне, что тебе нужно, и я подумаю, как тебе помочь.

– Ты поможешь, – решительно заявила Сильвия. – Говорю тебе, речь идет...

– О жизни и смерти, – подхватила Хлоя. – Что ты от меня хочешь?

Возбуждение Сильвии несколько улеглось.

– Ничего особо обременительного. Проведешь несколько дней в прекрасном загородном поместье, будешь переводить для импортеров, заработаешь кучу денег, да к тому же тебе будет прислуживать целая толпа народу. Шикарная еда, шикарные окрестности, и только одна проблема: надо будет иметь дело с бизнесменами, а они скучнейшие типы. Будешь переодеваться к обеду, грести деньги лопатой и флиртовать с любым, кто понравится. Ты мне должна еще спасибо сказать за такой золотой шанс!

Как типично для Сильвии соблазнять ее тем, чем соблазнилась бы сама Сильвия!

– А все-таки почему ты предоставляешь мне такой золотой шанс?

– Потому что я обещала Генри, что проведу с ним уик-энд у Рафаэля.

– Кто такой Генри?

– Генри Блейз Мерримен. Один из наследников «Мерримен экстракт». Он богат, мил, очарователен, хорош в постели и обожает меня.

– Сколько ему лет?

– Шестьдесят семь, – без малейшей запинки ответила Сильвия.

– Он женат?

– Что ты! У меня же есть принципы!

– Ты выбираешь богатых, одиноких и еще живых, – пробормотала Хлоя. – Так когда мне отправляться?

– Сейчас за тобой приедет машина. На самом деле она приедет за мной, но я позвонила, объяснила ситуацию и сказала, что ты меня заменишь. Им всего только и надо, что переводить с французского на английский и обратно, а для тебя-то это проще простого.

– Но, Сильвия...

– Хлоя, прошу тебя! Умоляю! Если я их подведу, то больше никогда не получу работу переводчика, а на Генри я пока еще не могу рассчитывать. Я вынуждена немного подрабатывать на этих уик-эндах, потому что мне всегда не хватает денег. Ты же знаешь, как мало платят братцы.

– Почти вдвое больше, чем мне.

– Ну вот, значит, тебе деньги нужны еще больше, – ничуть не смутилась Сильвия. – Давай, Хлоя, не упusti шанс! Встряхнись для разнообразия, будь рисковей! Несколько дней за городом – это как раз то, что тебе надо!

– Встряхнуться и быть рисковей в присутствии компании бизнесменов? Как-то я не так себе это представляла.

– Подумай, какая там еда.

– Вот стерва, – ухмыльнулась Хлоя.

– И там у них наверняка есть тренажерный зал. Большую часть этих старых помещений переоборудовали под конференц-центры. Можешь не переживать насчет своей толстой задницы.

– Дважды стерва, – сказала Хлоя, пожалев, что этим ругательством высказала свое согласие.

– Ну пожалуйста, Хлоя, – вкрадчиво продолжала Сильвия. – Ты ведь знаешь, что сама этого хочешь. Ты чудесно проведешь время. Это вовсе не так нудно, как тебе кажется, и к тому же, когда ты вернешься, мы, может быть, отметим мою помолвку.

В этом Хлоя усомнилась.

– А когда мне нужно отправляться?

Сильвия торжествующе взвизгнула. Она не воспринимала всерьез попытки противостоять ее напору.

– Да прямо сейчас! Лимузин наверняка уже ждет внизу. Ты доложишься мистеру Хакиму, и он скажет, что тебе делать.

– Хакиму? Я арабского почти не знаю.

– Да я же сказала, там только с французского на английский и наоборот. Эти компании импортеров поневоле многонациональны, но все они говорят либо по-английски, либо по-французски. Проще простого, Хлоя. Как тортик слопать.

– Трижды стерва, – откликнулась Хлоя. – Есть у меня время, чтобы...

– Нет. Сейчас восемь тридцать три, а машину должны были подогнать к подъезду в восемь тридцать. Эти люди стараются соблюдать точность. Немножко подмажь физиономию и спускайся.

– Я уже подмазала физиономию.

Сильвия испустила возмущенный вздох.

– Недостаточно. Пошли, я доведу тебя до ума. – Она схватила Хлою за руку и потащила в сторону умывальной комнаты.

– Не желаю, чтоб меня доводили до ума! – Хлоя протестующе вырвала руку.

– Они платят семьсот евро в день, и все, что от тебя требуется, – это участвовать в болтовне.

Хлоя вложила свою руку в руку Сильвии.

– Пошли. Доведешь меня до ума, – вздохнула она, последовав за Сильвией в крохотную уборную в дальнем конце помещения.

Бастьен Туссен, также известный как Себастьян Туссен, Жан Марк Марсо, Джеффри Пилюля, Карлос Ханжа, Владимир Мясник, Вилли Малыш и еще под добрым десятком имен и прозвищ, курил сигарету, затягиваясь со спокойным

удовольствием. На последних трех заданиях он был некурящим и приспособлялся со своим обычным невозмутимым хладнокровием. Он не позволял слабостям брать над ним верх – он был сравнительно невосприимчив к пагубным привычкам, а также к боли, пыткам или ласкам. Он мог проявить милосердие, если ситуация того требовала. Если же не требовала, не моргнув глазом отправлял правосудие. Делая то, что должен.

Но независимо от того, нужна была ему сигарета или нет, он наслаждался ею, как наслаждался тонкими винами за обедом и стаканчиком ароматного односолодового виски, предложенным ему, дабы усыпить его бдительность и заставить неосторожно проговориться. И он оправдал ожидания, выболтав достаточно информации, чтобы удовлетворить слушателей и продвинуться в исполнении своей миссии. Он мог бы исполнить тот же номер и с водкой, но предпочитал шотландский виски и наслаждался им вместе с сигаретами и продолжит наслаждаться без них, когда эта работа будет окончена.

Это занятие заняло больше времени, чем большинство остальных. Его прикрытие разрабатывали больше двух лет, и, когда одиннадцать месяцев назад вошел в роль, он был более чем готов. Он отличался терпением и знал, сколько времени требуется, чтобы привести в действие то, что запланировано. Но все усилия должны были окупиться уже совсем скоро, и это знание давало ему чувство холодного удовлетворения, хотя он готовился расстаться с Бастьеном Туссеном. Он привык к нему к этому времени – ему нравился легкий французский шарм, остроумная беспощадность, умение обращаться с женщинами. В качестве Бастьена он имел больше секса, чем когда-либо прежде. Секс был еще одной привилегией, которую он мог принять, а мог отказаться от нее, еще одним наслаждением, которое можно смаковать, когда оно приходит в свой черед. Предполагалось, что он оставил в Марселе жену, но это обстоятельство не значило ровным счетом ничего. Большинство мужчин, с которыми он сталкивался, имели жен и детей, маленькие семейные гнездышка в родных странах. Детей и жен, которые безмятежно проживали барыши от их совместного предприятия.

Импорт. Импорт фруктов с Ближнего Востока. Импорт говядины из Австралии. Импорт оружия туда, где заплатят самую высокую цену.

По крайней мере, на этот раз не наркотики. Он не мог чувствовать себя спокойно, связываясь с контрабандой героина. Глупая сентиментальность с его стороны – люди сами подсаживаются на наркотики, но не они выбирают,

получить или нет пулю из поставляемого им оружия. Должно быть, это отголосок его прошлой жизни, так давно окончившейся, что он едва ли ее помнил.

Был холодный, свежий зимний денек. В воздухе веяло слабым яблочным ароматом, умиротворяюще шелестела палая листва, которую сгребали садовники перед обширным фасадом раскинувшегося на местности особняка. Большинство здешних служителей под свободной формой носили оружие. Полуавтоматическое, возможно «узи». Может, даже то, которое он поставлял.

Вот будет номер, если один из них его застрелит!

Он бросил сигарету на землю и придавил ее ботинком. Кто-нибудь подойдет и уберет окурок. Кто-нибудь так же спокойно уберет и его – если получит приказ. И самое странное, что его это не слишком заботит.

Дверь за спиной отворилась, и на освещенный солнцем двор вышел Жиль Хаким.

– Бастьен, мы собрались пить кофе в библиотеке. Почему бы вам не присоединиться? Пообщаетесь с остальными. Мы ждем, когда подойдет переводчик и можно будет представиться.

Бастьен повернулся спиной к чудесному декабрьскому деньку и последовал за Хакимом в комнаты.

Глава 2

У Хлои имелось вдоволь времени, чтобы сообразить, насколько она была безрассудна. Шофер в униформе поднял между ними прозрачный экран, было слишком рано для того, чтобы глотком спиртного успокоить нервы, а Сильвия настолько торопилась, что забыла сунуть ей хоть какую-нибудь книжку. Только мысли составляли ей компанию в этой поездке, которой, казалось, не будет конца.

Она машинально протянула руку, чтобы убрать свои длинные каштановые волосы за уши, но тут вспомнила, какое чудо сотворила Сильвия за три минуты, имея под рукой всего лишь немного косметики и щетку. Книжки у нее могло и не оказаться, зато в принадлежащей Сильвии сумке фирмы Hermes обнаружилась ее же косметичка, и Хлое захотелось исподтишка бросить взгляд в зеркало. Она увидела незнакомку, глядящую на нее знакомыми невозмутимыми карими глазами, хотя сейчас они были подведены и эффектно выделялись на бледном лице. Длинные прямые каштановые волосы больше не свисали по обеим сторонам лица – Сильвия смочила их муссом, начесала и закрепила так, что менее чем за минуту они превратились из гладкой пелены во взъерошенную пышную гриву. Ее бледные губы стали пухлыми, алыми, яркими, а одолженный шарфик был переброшен через плечо с точно рассчитанной и украшавшей ее аккуратной небрежностью.

Однако как долго она сумеет сохранять эту иллюзию? Сильвия способна преобразить себя за три минуты, и меньше пяти у нее ушло на то, чтобы сотворить из простушки Хлои примадонну. Хлоя несчетное число раз пыталась достичь того же результата – и всегда терпела неудачу. «Лучше меньше, да лучше», – поучала ее Сильвия, но у Хлои не получалось ни меньше, ни лучше.

Впрочем, она развела панику на пустом месте. От нее требуется быть переводчицей, а не топ-моделью, а если Хлоя что и знает, так это языки. Она может делать свою работу, а в остальное время притворяться, что ей привычно обитать в замках, а не в крохотной квартирке, пропахшей неистребимым запахом капусты. И может есть все, что захочет.

Три или четыре вечера в этом замке, а затем она вернется, и Сильвия будет должна ей кучу времени. И вряд ли там будут секс и острые ощущения, о которых она в шутку мечтала, но, по крайней мере, это должна быть перемена. И кто знает, возможно, какой-нибудь скучный бизнесмен привезет с собой красивого молодого помощника, интересующегося американскими девушками. Все возможно.

Шато-Мирабель охраняется похлеще, чем Форт-Нокс, подумала она полчаса спустя, когда их машина пробиралась через множество ворот и контрольных пунктов с вооруженной охраной и цепными псами. Чем дальше они углублялись на территорию поместья, тем неудобнее чувствовала себя Хлоя. Проникнуть внутрь было очень трудно. Выбраться наружу, похоже, будет просто невозможно, если вдруг ее не захотят выпускать.

Но почему вдруг это взбредет им в голову? Она почувствовала себя глупо. И когда лимузин наконец причалил к широким ступеням парадного входа, она сумела взять себя в руки и, не давая воли ни любопытству, ни воображению, выбралась с заднего сиденья, изобразив слабое подобие текучей грации, присущей Сильвии.

Мужчина, ожидавший ее, был высок, немолод и одет лучше среднестатистического француза – что означало, что он одет по-настоящему хорошо. Его восточное происхождение легко угадывалось, и Хлоя подарила ему самую очаровательную улыбку.

– Месье Хаким?

Он кивнул и пожал ее руку.

– А вы – мисс Андервуд, замена мисс Уикхэм. Я узнал об этом, когда вы уже выехали. Если бы знал раньше, сберег бы вам время, потраченное на поездку.

– Сберегли время? Я не нужна? – Еще одна двухчасовая поездка, теперь обратно в город, вовсе не была вершиной ее мечты, и уж совсем не хотелось отказываться от обещанных Сильвией денег.

– Наша группа собралась в меньшем числе, чем мы ожидали, и я считаю, что мы сумеем понять друг друга без посторонней помощи, – вежливым, хорошо поставленным голосом ответил мужчина.

Они говорили по-английски, и Хлоя быстро переключилась на французский.

– Как вам угодно, месье, но я уверена, что могу быть полезна. У меня нет никаких планов на следующие несколько дней, и я останусь с большим удовольствием.

– Если у вас нет никаких планов, вы можете вернуться в Париж и устроить себе прекрасный отпуск, – предложил он на том же языке.

– Боюсь, что моя квартира – не лучшее место для проведения отпуска, месье Хаким. – Она сама не понимала, почему так старается уговорить его разрешить

ей остаться. Поначалу она совсем не хотела ехать сюда – только настойчивые просьбы Сильвии подвигли ее на это. Да еще мысль о семистах евро в день.

Но теперь, когда она уже была тут, ей вовсе не хотелось возвращаться. Даже если это самое толковое, что она могла сделать.

Хаким колебался, по-видимому удивленный тем, что женщина может с ним спорить. Затем он кивнул:

– Полагаю, вы все же окажетесь нам полезной. Было бы нечестно заставить вас совершить столь долгую поездку без всякого результата.

– Это была долгая поездка, – согласилась Хлоя. – Я думаю, шофер немного заблудился – мимо некоторых мест мы проезжали не единожды. В следующий раз ему стоит взять карту.

Хаким неопределенно улыбнулся:

– Я прослежу за этим, мадемуазель Андервуд. Пока же оставьте ваш багаж – у нас есть слуги, которые о нем позаботятся, – и ступайте знакомиться с гостями, для которых вы будете переводить. Особых трудностей эта задача не представляет, а когда у нас будет перерыв в совещаниях, вы получите прекрасное помещение, в котором сможете отдохнуть. И разумеется, присутствие столь очаровательной юной дамы отнюдь не станет помехой нашей работе.

В привычной французской благовоспитанности Хакима отчего-то чувствовался некий изъян. Хлоя обнаружила, что ей очень хочется помыть руки. Она одарила его материнской улыбкой, которая в ее репертуаре предназначалась для самого развратного из братьев Лоран, и пробормотала: «Вы так добры», после чего последовала за ним вверх по мраморным ступеням.

* * *

Великое множество старинных замков было переоборудовано в роскошные отели и конференц-центры, а более захудалые – в пансионы системы «ночлег-и-завтрак». Этот замок был роскошнее, чем все, что она раньше видела или даже о

чем слышала, и к тому времени, как Хаким ввел ее в огромный зал, чувствовала себя все более и более скованно.

По крайней мере, она была здесь не единственной женщиной. В помещении сидели восемь человек, попивая кофе, и ее взгляд быстро скользнул по ним. Две женщины, не имеющие между собой ничего общего, кроме великосветски элегантного внешнего вида, – мадам Ламбер, высокая, пожилая, была одета в нечто, в чем Хлоя, спасибо Сильвии, опознала творение Лагерфельда. Вторая женщина была несколько моложе, слегка за тридцать, чуть красивее и вела себя немного оживленной. Представление шло своим чередом: мистер Отоми, пожилой горделивый японец, который, к счастью, отлично говорил по-английски; его помощник со стальными глазами Танака-сан; синьор Рикетти, самодовольный господин средних лет, чей смазливый помощник был, без сомнения, по совместительству его любовником; и барон фон Руттер – как она и ожидала, ничего непредвиденного, никого, кто представлял бы особенный интерес, кроме...

Кроме него. Она быстро опустила взгляд, поразившись собственной внезапной реакции. Ей не нравились мужчины в костюмах, даже если это были костюмы от Армани. Ей не нравились бизнесмены – они большей частью были начисто лишены чувства юмора и заботились только об одном: как получить побольше денег. Франция привлекала Хлою многим и многим, но только не заикленностью на деньгах. Как скверно, что он из этой же породы, – мелькнула у нее мысль. Так нечестно: ее неудержимо влечет к человеку, который заведомо вне ее интересов.

Мадам Ламбер, синьор Рикетти, барон и баронесса фон Руттер, Отоми и Туссен.

Бастьен Туссен. Ему, кажется, в высшей степени наплевать на нее, как он и подтвердил при знакомстве, кивнув и тут же выбросив ее из головы. И особой причины у нее не было так на него реагировать – он не был красавчиком, видела она и получше. Немного выше среднего роста, худощавый, с твердым узким лицом и хорошо очерченным носом. Глаза у него были темные, почти непроницаемые, и она усомнилась в том, что ее присутствие вообще было замечено. Его длинные, темные, густые волосы были ухожены с неожиданным, даже чрезмерным тщеславием. Ну как, нужен ей самовлюбленный самец?..

Да, сказала Хлоя себе, если это Бастьен Туссен. Она с трудом оторвала взгляд, а слух ее тем временем настроился на стремительный поток итальянских слов,

исходящий от синьора Рикетти.

– Что она здесь делает?! – яростно кричал он. – Должна была приехать та английская дурочка! Откуда нам знать, можно ли доверять этой? Может, она не такая слепая, как те, другие? Избавься от нее, Хаким.

– Синьор Рикетти, неучтиво разговаривать по-итальянски в присутствии того, кто не понимает этого языка, – неодобрительно заметил Хаким по-английски. Он бросил взгляд на Хлою: – Вы ведь не понимаете итальянского, верно, мадемуазель Андервуд?

Хлоя не знала, что заставило ее солгать. Хаким действовал ей на нервы, а откровенная враждебность Рикетти не обнадеживала.

– Только французский и английский, – улыбнулась она.

Рикетти не собирался сдаваться.

– Я по-прежнему считаю, что она опасна, и уверен, что остальные со мной согласятся. Мадам Ламбер, месье Туссен, как по-вашему – стоит нам отослать прочь эту юную особу? – Он продолжал говорить по-итальянски, поэтому Хлоя сохраняла отсутствующее выражение лица.

– Не будьте идиотом, Рикетти. – В итальянском языке мадам Ламбер, к удивлению Хлои, обнаружился явственный британский акцент. Подобно Сильвии, она каким-то образом умудрилась усвоить неуловимый шик, присущий француженкам, – то, чего так и не сумела Хлоя.

– О, я думаю, девушка может остаться, – слышался ленивый голос Бастьена Туссена. – Она слишком мила, чтобы ее прогонять. И какой вред она может нам принести? Вероятно, в ее головке вовсе нет мозгов – она явно не способна читать между строк. – Он владел итальянским в совершенстве, лишь слегка окрашивая его французским акцентом и чем-то еще настолько тонким, чего она не могла уловить, а голос его был глубоким, медлительным и сексуальным. Катастрофа, подумала она.

– Я повторяю: она опасна! – сказал Рикетти, отставляя чашку с кофе. Хлоя подметила, что его руки слегка дрожат. Слишком много кофе? Или чего-то другого...

– Незачем столько раз повторять, – вмешался барон. Он был толстый, седой, походил на доброго дедушку, и странные предчувствия Хлои слегка утихли. – Приветствую вас в Шато-Мирабель, мадемуазель Андервуд! – сказал он по-французски. – Мы признательны, что вы смогли в последний момент выйти на замену.

Всего доля секунды понадобилась ей, чтобы вспомнить, что последнюю фразу она должна была понять.

– Мерси, месье, – ответила она, пытаясь сосредоточить все свое внимание на приятном пожилом джентльмене и проигнорировать мужчину, стоявшего у нее за правым плечом. – Обещаю, что буду стараться изо всех сил.

– У вас все получится, – отозвался Хаким с легкой режущей ноткой в голосе. Рикетти вспыхнул и замолчал. – На сегодня мы работу закончили, и я думаю, что вы хотите осмотреться. Напитки в семь, ужин в девять, и я надеюсь, что вы составите нам компанию. Мы стараемся не обсуждать дела поздно вечером, но случаются исключения и ваша помощь может оказаться нам полезна.

– Чем именно она может оказаться полезна? – На этот раз Бастьен перешел на немецкий. – Возможно, мне захочется слегка расслабиться.

– Думайте мозгами, а не тем, что в штанах! – осадила его мадам Ламбер. – Нам ни к чему проблемы из-за вашего распутства. Мужчины вечно выбалтывают не то, что нужно, когда пристраиваются между женских ног.

Хлоя моргнула, пытаясь не реагировать, когда Бастьен появился в ее поле зрения. Его усмешка была медлительной, загадочной и до невозможности сексуальной.

– Моя жена говорит, что я трахаюсь в полном молчании, – произнес он.

– Давайте этого не проверять, – сказал Хаким. – Когда мы закончим, можете отправляться за ней в Париж и там морочить ей голову. А здесь у нас и без того много дел. – Он вновь перешел на английский. – Прошу прощения за этот небольшой разговор, мадемуазель. Как вы могли догадаться, лишь половина из нас владеет одним и тем же языком, и это создает большие затруднения. С этого момента мы не говорим ни на каких языках, кроме французского и английского. Это ясно?

Бастьен поглядывал на нее, приопустив веки.

– Как божий день, – ответил он по-английски. – Я всегда могу подождать.

– Подождать чего, месье? – невинно спросила Хлоя.

Ошибка. Он взглянул на нее в упор, и эффект был убийственным. В глазах его стояла тьма, и она поневоле задумалась, отражает ли что-нибудь вообще их непрозрачная поверхность. Она надеялась, что ей не придется это проверять. Надеялась, что еще не окончательно рассталась со здравым смыслом. Этот мужчина был несомненно великолепен. Столь же несомненно он не принадлежал к ее весовой категории.

– Подождать позднего ужина, мадемуазель, – невозмутимо ответил он. Прежде чем она догадалась, что он намеревается сделать, он взял ее руку и поднес к своим губам. Ей и раньше целовали руку – этот обычай нет-нет да и встречается еще даже в современной Европе. Но это всегда были учтивые пожилые джентльмены, флиртующие безо всяких дальнейших намерений. Губы Бастьена Туссена, прикоснувшись к тыльной стороне ее ладони, учтивостью не отличались, и намерения они выдавали вполне определенные. Но он отпустил ее руку прежде, чем она смогла ее отдернуть.

– Я уверен, что вы проголодались, мадемуазель, – сказал Хаким. – Мари отведет вас в вашу комнату и проследит, чтобы принесли еду. Если вам интересно осмотреть поместье, нужно только спросить, и кто-нибудь из садовников устроит вам экскурсию. Купаться сейчас все же холодновато, хотя бассейн подогревается, а американцы – народ закаленный.

– Я не помню, взяла ли с собой купальный костюм, – пробормотала Хлоя, мысленно гадая, чем эта чертова Сильвия набила ее чемоданы.

– Вы всегда сможете обойтись без него, мадемуазель Хлоя, – прозвучал бархатный голос Бастьена.

Это был первый намек, что он ею заинтересовался всерьез, хотя она совершенно не понимала, чем это вызвано, ведь он едва заметил ее, когда происходило представление. Возможно, он решил, что лучше уж она, чем вообще никого.

Но она не хотела на радость ему лишиться присутствия духа.

– Нет, вот для этого действительно слишком холодно, – весело откликнулась она. – Если мне захочется размяться, я просто пойду прогуляюсь.

– Вам надо быть осторожней, мадемуазель Хлоя. – Рикетти говорил по-французски с сильным акцентом. – Сейчас охотничий сезон, и никто не знает, откуда может прилететь шальная пуля. Не говоря уже о сторожевых псах, которых ночью спускают с цепи и которые не ведают жалости. Если вы соберетесь прогуляться, обязательно уговорите кого-нибудь составить вам компанию. Вы же не хотите случайно забрести куда-нибудь, где... небезопасно.

Что это было: предупреждение, угроза? Или и то и другое в равной степени? И что, черт возьми, здесь происходит? Во что втянула ее Сильвия?

Секс и острые ощущения, напомнила она себе. Один взгляд на Бастьена – и секса уже более чем достаточно; а без острых ощущений она как-нибудь обойдется. Однако провести здесь уик-энд – по крайней мере развлечение, и душой она будет, если решит, что здесь ей грозит хоть какая-то опасность. Все-таки это современная Франция, и ее окружают обыкновенные занудные бизнесмены. Она явно перечитала триллеров в переводе Сильвии.

– Я постараюсь не забредать туда, где мне не следует находиться, – ответила она.

– Разумеется, вы постараетесь, – сдержанно произнес Хаким. От него веяло чем-то странным, слегка зловещим, отчего ее настырное воображение прямо-таки неистовствовало. Он вел себя одновременно и пугающе, и слегка подобострастно, и Хлоя не могла точно определить его положение среди партнеров по бизнесу. Ничего удивительного, что ей везде чудятся странности и

опасности, ведь ее окружают люди, бормочущие таинственные речи на языках, которые она не должна понимать, но, в конце концов, они всего лишь группа бизнесменов, которые не любят, когда вмешиваются в их дела.

– Увидимся в семь.

Вперед выступила степенная дама в накрахмаленной черной униформе, вид которой вызывал в памяти не сказку про Мэри Поппинс, а скорее роман ужасов.

– Если вам угодно, ступайте за мной, мадемуазель, – сказала она по-французски, и сразу стало ясно, что это чужой для нее язык, хотя у Хлои не было ни малейшей догадки, какой язык был для нее родным.

Хлоя знала, что Бастьен наблюдает за ней, и потребовалась вся сила ее воли, чтобы на него не оглянуться. Она не должна была подозревать, что он записной бабник, что он тащит в постель каждую новую встречную. Кроме того, он был женат, а это тот принцип, который она разделяла со своей бестолковой соседкой по квартире. Сильвия спала только с холостяками, потому что преследовала цель подыскать себе богатого мужа, но Хлое нужно было что-то другое. Что именно – она и сама не знала толком. Знала лишь, что Бастьен Туссен этим чем-то не был.

– В семь, – подтвердила она, про себя размышляя, в каком состоянии они будут, если начнут пить за два часа до ужина. Но это ее не касалось. Ничего из этого ее не касалось, даже бессердечные комментарии Бастьена. На самом деле он ее не хочет – она не в его вкусе. Он падок на высоких длинноногих моделях, стильных и способных послать к черту. Хлоя много лет пыталась воспитать в себе этот талант, но, хотя жизнь в Париже тому и способствовала, до завершения было еще очень далеко.

Она бы попросту заблудилась в проклятом лабиринте комнат, думала Хлоя, проходя по замку вслед за несгибаемой Мари. Отведенная ей комната располагалась в дальнем конце одного из этих коридоров, и в ту же секунду, когда она вошла в нее, ее опасения растаяли бесследно. Это была комната из музея – изумительная кровать, драпированная зеленым шелком, мраморные полы, роскошный диван и самая большая ванная комната, какую она видела с тех пор, как уехала из США. Телевизор она не увидела, что не стало для нее сюрпризом, но в таком местечке определенно найдется что-нибудь почитать.

Несколько популярных изданий лежало на столе в прихожей – она всегда может утащить их и поразгадывать кроссворды. Кроссворды были для нее любимой языковой задачей, и пачка их займет ее на несколько дней. Она напомнила себе не брать итальянских или немецких газет.

Но в эту минуту она не хотела ничего, кроме как оказаться в уютной мягкой постели и позволить себе хорошенько выспаться.

– Где мой багаж? – спросила она.

– Он распакован и отправлен на хранение, – невозмутимо ответила Мари. – Я думала, месье Хаким сказал вам, но они переодеваются к обеду. Мне кажется, серебряное кружево подойдет.

Если Сильвия рассталась с серебряным кружевом, значит, эта работа для нее по-настоящему важна. Она никогда бы не выпустила это платье из виду, разве что в случае чрезвычайной необходимости.

Вообще говоря, это платье слишком вызывающе обтягивало ее груди и ягодицы, но Хлоя не собиралась искушать судьбу, пытаясь догадаться, что еще могло бы подойти к такому случаю. Мари должна знать, и, если она достаточно добра, чтобы поделиться информацией добровольно, Хлое следует извлечь из этого выгоду.

– Благодарю вас, Мари. – На мгновение она ощутила внезапную панику, пытаясь сообразить, требуется ли вручить ей чаевые.

Пока она колебалась, Мари направилась к выходу, явно не ожидая ничего от нескладной американки. В последний момент она обернулась:

– Когда вы хотите, чтоб вас известили? В пять? Пять тридцать? Вам нужно время, чтобы подготовиться?

Мари явно полагала, что это трудновыполнимая задача.

– Шесть тридцать – и у меня будет довольно времени, – бодро пообещала Хлоя.

Длинный нос Мари сморщился. Выражение ее лица явило собой совершенную смесь презрения и беспокойства.

– Если вам понадобится какая-то помощь, достаточно только спросить, – помолчав мгновение, сказала она. – Мне привычно обращаться с такими волосами, как у вас. – В ее устах это прозвучало так, будто она говорила о грязной соломенной подстилке в хлеву.

– Большое вам спасибо, Мари. Я уверена, что справлюсь.

Мари только задрала брови, отчего дурные предчувствия Хлои разгорелись с новой силой.

Глава 3

Кто-то совершил очень серьезную ошибку, отправив эту молодую женщину прямо в логово льва, думал Бастьен. Она была далеко не тем опытным агентом, который требуется, чтобы работать в такой напряженной ситуации. Он за долю секунды понял, что она знает все языки, на которых говорили в комнате, а возможно и сверх того, и не слишком искусно это скрывает. Если у него на то, чтобы понять это, ушло одно мгновение, в скором времени это поймут и остальные.

Главный вопрос – кто ее направил и зачем? Самое опасное, что могло быть, – это если она прибыла разведывать его личность. Насколько он знал, никто его не заподозрил, но никогда нельзя быть абсолютно уверенным. Притом что он играл роль опытного развратника, послать сексапильную молодую женщину войти в контакт с ним в качестве приманки было блестящим ходом. Все равно что послать юную лань в джунгли соблазнить голодного тигра. Если он набросится на нее, то сыграет как раз по правилам.

Но ее неуместность выглядела рискованно. Эта видимая искушенность была слишком тонкой оболочкой. Один взгляд в ее карие глаза, и он мог прочитать все. Нервозность, даже робкая неуверенность – и нежеланная вспышка сексуального влечения. Она вступила на слишком опасную тропу, которая была

ей не по силам.

А впрочем, она ведь может оказаться гораздо опытнее, чем старается изобразить. Нерешительная, слегка пугливая манера вести себя может от начала и до конца оказаться частью отведенной ей роли, чтобы обмануть его чутье.

Так за ним она пришла или за кем-то еще? Может, Комитет решил проверить, как он выполняет свою работу? Это было вполне возможно – он не скрывал того, что устал до предела и ему на все плевать. Жизнь или смерть казались ему на одно лицо. Но если ты начал работать на Комитет, тебе никогда не дадут уйти просто так. Его должны убрать, это рано или поздно случится, и, вероятно, рано. Мадемуазель Андервуд с ее испуганными глазами и по-детски пухлым ротиком может оказаться как раз тем человеком, который это сделает.

И тогда остается только один вопрос. Позволит он ей это сделать?

Вряд ли. Он пресытился, он выжжен дотла, пуст внутри – но он не готов уйти, не сопротивляясь. Пока еще – не готов.

На первый взгляд его задание казалось простым. Месяц назад в своей машине был взорван Огюст Ремарк. Это приписали антитеррористической организации, известной очень немногим как Комитет. Но в действительности Комитет не имел к этому никакого отношения. Огюст Ремарк был бизнесменом и руководствовался одной лишь выгодой, и силы, которые правили в Комитете, понимали это и могли этим пользоваться. Все, что они должны были делать, – это держать под присмотром Ремарка и торговцев оружием, быть в курсе того, что и куда они поставляют, и принимать собственные практические решения относительно того, когда вмешаться. Поставки партии мощного скорострельного оружия в некоторые слаборазвитые страны Африки могли привести к жертвам среди гражданского населения, но считалось, что выгоды от этого может быть больше, а сами эти бедные страны представляли не большой интерес для сверхдержав. По крайней мере, так ему говорил босс, почтенный Гарри Томасон.

Разумеется, Бастьен знал, в чем дело. В этих странах не было нефти, и они имели мало влияния на Комитет и его могущественных покровителей.

Работа Бастьена заключалась в том, чтобы следить за торговцами оружием, представляясь одним из них. Но убийство Ремарка все изменило. Хаким, правая рука Ремарка, организовал эту встречу, и они должны были перераспределить территории и избрать нового главу. Это не значило, что они собирались вести друг с другом честную игру, но в обязанности руководителя оружейного картеля входила забота об утомительных деловых деталях, что давало остальным возможность сосредоточиться на приобретении и поставке самого опасного вооружения, изобретенного к настоящему времени.

Хаким нес ответственность за второстепенные детали, но он становился не в меру честолюбив. Он хотел занять место Ремарка, в том числе взять на себя его прибыльные территории. И вот здесь начинались проблемы. Вследствие десятков сделок, убийств и взяток покойный Огюст Ремарк контролировал большую часть поставок оружия на неисчерпаемые рынки Ближнего Востока.

Потребители в Чили, Косове, Северной Ирландии и японские мафиозные кланы могли то увеличивать, то снижать требования, но Ближнему Востоку всегда было мало. А с тех пор как в эту драку вступила Америка, пытаюсь контролировать все дубиной, дела с течением временем шли все хуже и хуже.

Члены оружейного картеля хотели справедливо поделить свои прибыли. А Хаким был расходным материалом.

Бастьен не торопил события – он мог позволить себе провести денек-другой, наблюдая и выжидая. Члены картеля один за другим узнавали, что именно Хаким отвечает за убийство Ремарка, а это не шутки. Кто-нибудь мог ликвидировать его в течение нескольких следующих дней, и если они этого не сделают, тогда настанет черед Бастьена.

Было довольно легко исподволь пустить слух о предательстве Хакима. Реакция основных игроков была действительно интересна, потому что на самом деле не Хаким стоял за смертью Ремарка, даже если он искренне и хотел извлечь из нее пользу.

Удар нанес один из оставшихся членов тайного оружейного картеля. Кто-то из тех, кто собрался сейчас здесь или должен еще прибыть. Этот человек, вероятно, получил удовольствие, узнав, что заподозрили кого-то другого, но Комитет до сих пор не сумел выяснить, кто сделал это на самом деле.

Обыкновенный здравый смысл заставлял подозревать барона фон Руттера. Под его добродушной внешностью скрывался человек бесцеремонный и нетерпимый, который прокладывал себе путь больше давлением, чем хитростью. То же самое следовало сказать о равноправной партнерше барона, его молодой жене Монике.

Один из коллег Бастьена сделал ставку на мистера Отоми, неразговорчивого пожилого босса якудзы, да и Рикетти с его связями в мафии вполне подходил на эту роль. Нельзя было сбрасывать со счетов и мадам Ламбер.

У любого из них были и желание, и возможность, и если кто-то из них отдал приказ нанести удар, у Комитета не должно было возникнуть причин для беспокойства.

Но Бастьен ожидал прибытия последнего из их маленькой группы. Кристос Кристополус был, если глубоко не копать, просто младшим компаньоном в игре. Греческая сеть никогда не была значительной, но Бастьену платили за то, чтобы он не доверял поверхностному впечатлению. И за те одиннадцать месяцев, что прожил под именем Бастьен Туссен, он выяснил, что Кристос наиболее опасный из всех. Именно он с наибольшей вероятностью организовал устранение Ремарка, подсунув бомбу в его машину и взорвав его вместе с женой, дочерью и тремя малолетними внучатами.

Томасон учел его мнение и определил задание. Хаким должен умереть. Не имеет значения, кто на самом деле ответствен за смерть Ремарка – убийство не могло быть исполнено без помощи Хакима.

И если Кристоса изберут главой картеля, он тоже должен умереть. Остальные поддавались управлению со стороны – но грек не поддавался.

Возможно, Кристоса и не изберут, и Бастьен сможет вновь кануть в неизвестность иного имени, иной национальности, иного задания на каком-то другом континенте. Это не имело значения – все они были одинаковы, хорошие парни и плохие парни взаимозаменялись.

Одно было совершенно ясно: он не сможет проделать эту чертову штуку, если невинное новопривывшее создание воткнет ему нож меж ребер.

Он работал не в одиночестве и не питал по этому поводу иллюзий. Под личиной молоденького любовника синьора Рикетти был молодой британский агент Йенсен, который объяснил своей жене, что как представителю фармацевтической компании ему приходится много путешествовать.

Бастьен научился не доверять никому, в том числе и коллегам. Всегда было возможно, что Томасон решит, что и сам Бастьен – отработанный ресурс. Его мог убрать Йенсен, если именно это ему приказали сделать, причем он имеет больше шансов преуспеть, чем эта девушка. Кто угодно мог его убрать. Но если они действительно захотели избавиться от него, им нужен для этого кто-то несколько более опытный.

Чуть поопытнее очаровательной мадемуазель Андервуд.

Она здесь либо из-за него, либо из-за кого-то из остальных. Может быть, появилась просто для сбора информации, может, чтобы отделаться от нежелательного игрока. Ему стоило только намекнуть Хакиму, и отделаются именно от нее. Даже если Хаким самолично ее нанял, ее сотрут с лица земли аккуратно и без особых затрат.

Он был не вполне готов сделать это, даже будь это самый безопасный выход. Живая мадемуазель Андервуд могла оказаться гораздо полезнее, нежели мертвая. Он должен выяснить, кто послал ее и зачем, и чем скорее он это узнает, тем лучше. Тщательно планировать, конечно, важно, но колебаться – смертельно опасно. Он должен выяснить все, что нужно, а затем шепнуть словцо на ухо Хакиму. Будет стыдно уничтожить такую многообещающую молодую жизнь, но она должна была учитывать риск, если уж взялась за такую работу. А он потерял последние остатки сентиментальности много лет тому назад.

Туссен хотел знать только одно: зачем она здесь?

Голова Хлои слегка кружилась. Пару часов она крепко проспала, свернувшись калачиком под тонким шелковым покрывалом. Потом окунулась в глубокую теплую ванну, надушенную «шанелью». Надела платье Сильвии и наложила на лицо ее косметику. До семи оставалось еще несколько минут, и ей нужно было только всунуть ноги в туфли Сильвии на утомительно высоких каблуках и сойти по ступеням лестницы, точно холеная штучка, которую она пыталась изобразить.

Нижнее белье начинало ощутимо мешать. Хлоя обычно носила простой белый хлопок. Ее вкус тяготел к кружевам, атласу, глубоким, насыщенным цветам – но ее кошелек был против, и она тратила предназначенную на одежду сумму на то, что было видно снаружи.

Сильвия же проводила в нижнем белье немалую часть досуга, причем редко в одиночестве, и ее коллекция корсетиков, трусиков, бюстгалтеров и поясков с подвязками сверкала всеми цветами радуги, предназначенная для того, чтобы доставить удовольствие как самой носительнице, так и ее аудитории. Хлоя в настоящий момент на аудиторию не рассчитывала – только не здесь, не теперь. Бастьен Туссен может привлекать ее внимание, но она не будет интересоваться женатыми, донжуанами или кем-либо вообще до тех пор, пока не вернется в Париж. Эта работа, как предполагалось, будет сплошным отдыхом. Несколько дней в неспешной загородной обстановке придется переводить скучные подробности деловых разговоров.

Так почему же она настолько встревожена?

Может быть, из-за Туссена с его раздевающим взглядом и ленивым сексуальным голосом? Или из-за всеобщей подозрительности присутствующих – должно быть, они занимаются чем-то крайне важным, раз все такие параноики. Хотя по собственному опыту Хлоя знала, что люди всегда считают свои заботы жизненно важными. Наверное, они хранят тайну ткани нового типа. Дизайн обуви следующего сезона. Рецепт масла без калорий.

Это все не важно. Она должна будет скромно сидеть в уголке, переводить, когда попросят, и надеяться, что никто больше не скажет на языке, которого она, как предполагается, не знает, что-нибудь такое, что поставит ее в неудобное положение. Хотя было бы легче, если бы она приехала со своим собственным гардеробом – платья Сильвии не имели ничего общего со скромностью.

Может быть, ей удастся, просто сославшись на головную боль, заползти обратно в постель и оставить все дела на завтра. Насколько ей известно, она не нанималась работать двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, а сегодняшний вечер, скорее всего, будет больше похож на светскую вечеринку. Они не будут в ней нуждаться, и ей самой не нужно окружение людей, которые выпьют достаточно много, чтобы быть даже более несдержанными, чем сегодня днем.

Но наверное, было бы неплохо все же выяснить, отчего это они все страдают манией преследования. Если ответ ей не понравится, она может просто заявить, что возвращается домой. Месье Хаким намекал, что на самом деле в ней нет необходимости, и она предполагала, что они как-нибудь разберутся и без общего языка. В конце концов, ее душевное спокойствие важнее, чем щедрая дневная плата.

Но семь сотен евро в состоянии облегчить маленький психологический дискомфорт, а чрезмерной трусостью она никогда не страдала. Надо лишь спуститься по ступеням, обаятельно улыбнуться, выпить совсем чуть-чуть вина – столько, чтобы не утратить осторожности, – и держаться подальше от Бастьена Туссена. Он действовал ей на нервы – и темными непроницаемыми глазами, и мнимым интересом к ней. Почему-то ей не верилось в этот интерес. Она не была дурнушкой, но вряд ли могла составить ему пару – этот мужчина предназначался для супермоделей и дочерей миллионеров.

Ситуацию не улучшило то, что, когда она открыла дверь, Туссен ее ждал.

Он посмотрел на свои тонкие наручные часы.

– Прекрасная дама, которая появляется вовремя, – произнес он по-французски. – Это восхитительно.

Хлоя колебалась, не зная, что ответить. Легкий налет иронии в его голосе распознавался безошибочно, хотя Хлоя знала, что выглядит достаточно эффектно; прелести ее, подчеркнутые гардеробом Сильвии, выделялись, пожалуй, слишком щедро. Но спорить с ним, как ей казалось, означало попасть в ловушку, а кроме того, она не хотела проводить ни минуты сверх необходимого в полумраке коридора, находясь рядом с ним.

Туссен прислонился к окну напротив двери в ее комнату, а за его спиной расprostерлись сады внешнего участка, на удивление хорошо освещенные для этой вечерней поры. Он закурил сигарету, ожидая ее, но выбросил окуроч в окно и шагнул ей навстречу.

Хлоя подумала, что должна бы уже привыкнуть к тому, как грациозно могут двигаться французские мужчины. На мгновение ее отвлекло его тело, но тут же

она мысленно сделала себе замечание.

– Вы ждали меня? – с улыбкой произнесла она, закрывая дверь за спиной, хотя на самом деле ей ничего так не хотелось, как броситься назад в комнату и запереть за собой замок.

– Разумеется. Моя комната как раз дальше по коридору, слева от вашей. Мы единственные обитатели этого крыла дома, и я знаю, каково по нему блуждать. Хотел удостовериться, что вы не забредете ненароком куда-нибудь, где вам быть вовсе не следует.

И опять этот легкий неопределенный оттенок опасности в голосе. Может быть, это у нее мания преследования, а вовсе не у гостей Хакима?

– Я хорошо ориентируюсь. – Откровенная ложь: даже имея перед глазами самую подробную карту, она неукоснительно выбирала не ту дорогу, – но ему об этом знать не нужно.

– Вы живете во Франции достаточно долго, чтобы понять, что французы считают себя неотразимо галантными. Это мое врожденное свойство – вы обнаружите меня рядом, когда меньше всего будете этого ожидать, а я предложу принести вам кофе или сигарету.

– Я не курю. – Разговор этот все более и более выбивал Хлою из колеи. Она пребывала в замешательстве еще и оттого, что не могла отвести от него глаз – от его темных матовых зрачков, от художавого элегантного тела – все это никак не могло оставить ее равнодушной. Почему ее притягивает к человеку столь... извращенному? – И откуда вы знаете, что я долго живу во Франции?

– По вашему акценту. Никто не говорит так хорошо, если не прожил здесь по крайней мере год.

– На самом деле – два года.

Легчайшая из улыбок скользнула по его губам.

– Видите? Я такие вещи неплохо чувствую.

– Я не нуждаюсь ни в неотразимых, ни в галантных спутниках, – сказала Хлоя, по-прежнему ощущая неловкость. Этот человек не только выглядел хорошо, от него, черт возьми, хорошо пахло. Что-то тонкое, ароматное пробивалось сквозь свежий запах табачного дыма. – Я здесь, чтобы работать.

– Вы и будете работать, – промурлыкал он. – Это не означает, что вы не можете получить в это же время удовольствие.

Он все-таки здорово заставляет ее нервничать. К этому времени они уже шли по коридору, то ныряя в тень, то выходя на свет. Она привыкла к континентальному искусству флирта, которое обычно не представляло собой ничего, кроме экстравагантного спектакля. И знала, что этот человек действительно умелый соблазнитель женщин – он сказал это на том языке, которого она не должна была понимать. Ничего удивительного, что он именно так себя и ведет.

К несчастью, она не хотела играть в эту игру, тем более с ним. Он не был тем человеком, с которым можно пофлиртовать, а потом спокойно сделать ручкой, сколько бы очарования он вокруг себя ни распространял. Она не могла избавиться от мысли, что он нечто совершенно иное.

– Месье Туссен...

– Бастьен, – перебил он. – А я буду называть вас Хлоей. Никогда прежде не знал женщины по имени Хлоя. По-моему, это просто очаровательное имя. – Его голос ласкал ее щекочущим шелком.

– Хорошо, Бастьен, – капитулировала она. – Хотя мне не кажется, что это отличная идея.

– Вы уже связали себя с кем-то? Не стоит беспокоиться, это не имеет значения. Что произойдет здесь, здесь и останется, и не существует причин, по которым мы должны ограничивать себя в удовольствиях, – вкрадчиво произнес он.

Хлоя не знала, как бы отреагировала, будь на его месте кто-то другой. Она умела выходить из нежелательных ситуаций, хотя они возникали не слишком часто. К несчастью, он в равной степени и притягивал ее, и пугал. Он лгал ей, и она понятия не имела почему.

Хлоя остановилась. Они почти достигли менее безлюдной части отреставрированного замка, и ей были слышны голоса – смесь французского и английского – за двойными дверями. Она открыла было рот, не зная точно, что собирается сказать, какой аргумент выдвинуть против него, когда Бастьен заговорил:

– Меня неудержимо тянет к вам, и вы это знаете. Я не помню, когда прежде был так очарован. – И прежде чем Хлоя сообразила, что Бастьен намеревается сделать, он обнял ее, притиснул к стене и стал целовать.

Да он просто мастер, оцепенело думала Хлоя, сдерживая возбуждение. Его руки нежно гладили ее тело. Она закрыла от удовольствия глаза и чувствовала, как его поцелуи щекочат ее скулы, веки, спускаются по шее.

Хлоя не знала, как справиться с собой. Ей следовало оттолкнуть его – но она не хотела! Нежные невесомые поцелуи будоражили кровь. Вряд ли когда-нибудь она позволит ему целовать себя, и, если этот случай должен остаться единственным, она стремилась испытать всю полноту чувств.

И когда он обхватил ладонями ее лицо и поцеловал, горячо, страстно, она ответила на его поцелуи, сказав себе, что лишь разочек вкусить от запретного плода не так и страшно. В конце концов, она же во Франции. Да здравствует любовь!

Хлоя почти позволила себе отдаться наслаждению, как в мозгу отчаянно зазвенели тревожные звоночки, останавливая ее. Ох, каким Туссен был специалистом обольщения! Как умело пользовался ртом, языком, руками... Еще чуть-чуть – и она утонула бы в приливе желания.

И все-таки что-то шло не так. Хлоя видела: это было театральное представление. Он производил правильные действия, говорил правильные слова, но рассудок его держался в стороне и хладнокровно наблюдал за ее ответным чувством.

Руки Хлои, готовые вцепиться в него и за плечи притянуть, вдруг оттолкнули Тиссена. Она сделала это с большей, чем требовалось, силой – он ни единым усилием не сопротивлялся ей, просто отступил с легким удивлением на лице.

– Нет? Возможно, я неправильно истолковал ситуацию. Меня тянет к вам, тянет сильно, и я подумал, что это чувство взаимно.

– Месье Туссен, вы очень привлекательны. Но играете со мной в какую-то игру, и мне это не нравится.

– Игру?..

– Я не знаю, что происходит, но не верю, что вас охватила внезапная неконтролируемая страсть ко мне.

Сильвия всегда распекала ее за подобную откровенность в разговоре, но Хлоя только отмахивалась. Все, что угодно, лишь бы прервать вкрадчивую, манящую ложь из уст человека, который все еще стоит так близко...

– Тогда я буду стараться еще больше, чтобы вас убедить. – Он вновь потянулся к ней.

И Хлоя почти позволила ему это, но тут дверь в гостиную распахнулась и появился рассерженный месье Хаким.

Бастьен без особой поспешности отошел в сторону, и лицо Хакима еще больше потемнело.

– Мы ждем вас, мадемуазель Андервуд. Уже половина восьмого.

– Я заблудилась по пути сюда. Месье Туссен был настолько добр, что взялся меня проводить.

– Не сомневаюсь, что взялся, – буркнул Хаким. – Барон ждет вас, Бастьен. И ведите себя соответственно. Мы должны работать.

– Слушаю и всегда готов служить, – ответил тот, послав Хлое ироническую усмешку, и пошел за Хакимом.

Хлоя двинулась было следом, но сильная рука Хакима легла на ее плечо, останавливая ее.

– Вас следует предупредить насчет Бастьена, – начал он.

– Меня не надо предупреждать. Этот тип мужчин мне хорошо известен.

«Не уверена», – мысленно возразила она самой себе. Бастьен пытается убедить ее, что принадлежит к определенной породе мужчин – искушенных соблазнителей, играющих чувствами и напроочь лишенных нравственных правил. И действительно принадлежит – у нее не было в том ни малейших сомнений. Вот только было в нем нечто большее, нечто темное внутри, и она не могла определить, что же это такое.

Хаким кивнул, хотя явно ей не поверил.

– Вы очень молоды, мадемуазель Андервуд. Предупреждаю вас по-отечески, мне не хотелось бы, чтобы с вами случилось какое-нибудь несчастье.

Чрезмерно правильная английская речь Хакима – вот что, скорее всего, заставило Хлою почувствовать в его словах угрозу. Вроде бы нет никакой опасности. Но все та же легкая беспокойная дрожь пробежала по ее телу, и Хлоя задумалась: а не сделала ли она по-настоящему большую ошибку, согласившись занять место Сильвии? Приключения, роскошь и деньги – все это хорошо, если только не придется платить за это слишком дорогую цену. И, вспомнив ощущение опытных губ Бастьена Туссена на своем лице, она испугалась, что уже навлекла на себя большие неприятности.

И все потому, что ей очень хотелось узнать, на что это было бы похоже, если бы он поцеловал ее по-настоящему. Не разыгрывая спектакль, стремясь ослепить ее своим великолепием, а желая этого так же сильно, как она.

Совсем спятила, подумала Хлоя, входя вслед за Хакимом в библиотеку, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Бастьен мило беседует с одной из женщин, которых она уже видела. Жена барона, которая, казалось, слишком по-дружески ведет себя со всяким мужчиной, положила искусно наманикюренную руку на его плечо, облаченное в смокинг от Армани, а ее лицо, с совершенным макияжем, приблизилось к его лицу. Хлоя взяла бокал шерри с подноса и отошла к диванчику у открытых дверей, внимательно рассматривая ярко освещенный сад и стараясь не встречаться взглядом с Бастьеном и его более сговорчивой

спутницей. Сумбурный гул языков поначалу был совершенно неразборчив, да она и не хотела вслушиваться. Это было все равно что подслушивать, а ей уже и так было неловко из-за того, что она услышала раньше.

Но затем Хлоя осознала, что идет вежливый разговор только на французском и английском, ничего секретного не произносится, и она расслабленно откинулась на спинку кресла. Воображение всегда было ее главным пороком, и ей повсюду чудились тайные заговоры. Да что могло быть опасного в группе богатых торговцев?

Она подняла взгляд и увидела, что Бастьен и та женщина выскользнули наружу, в тень, и ее старания подчиниться голосу разума мгновенно потерпели крах. Видеть, как он уходит, уже было бы тяжело, но ко всему прочему в последнее мгновение он приостановился, посмотрел ей прямо в глаза и едва заметно удрученно пожал плечами.

– Мисс Андервуд! – Пожилой барон опустился на диван рядом с ней. Дышал он натужно, отдуваясь. – Похоже, нас все покинули. Но почему же такое милое юное создание, как вы, желает проводить дни взаперти, в окружении скучных старых капиталистов, вроде нас? Уж конечно вам должно быть гораздо интереснее в Париже! Вас там ждет молодой человек?

Хлоя улыбнулась ему, стараясь забыть пару, которая только что исчезла из виду.

– Никто меня не ждет, месье. Я живу очень тихо.

– Не может быть! – воскликнул он. – Такая привлекательная девушка? Что творится с нынешними молодыми людьми, если такие, как вы, проводят время в одиночестве? Будь я лет на сорок помоложе, сам бы за вами приударил!

Хлоя заставила себя подхватить эту игру.

– Ну уж не обязательно на сорок! – рассмеялась она.

– Я на тридцать лет старше своей жены, и даже это несколько утомительно. Вот почему я предоставляю ей достаточно свободы, чтобы она развлекала себя сама.

Хлоя заморгала.

– Это очень великодушно с вашей стороны...

– И кроме того, что они с Бастьеном смогут позволить себе на террасе, когда вокруг шляется столько народу? Нескромную ласку, пару поцелуйчиков? В конце концов, это только разожжет аппетит.

– Простите?

– Я видел, как вы на них смотрели. Бастьен – прекрасная пара для кого-нибудь вроде моей жены, которая знает, какую игру ведет, и не рассчитывает ни на что, кроме сиюминутного удовольствия. Он не для невинных барышень вроде вас.

Этот человек был вторым за последние десять минут, кто ее предостерег. Они не понимали, что она не нуждалась в предупреждениях – ее защитная реакция сработала тут же.

– Я здесь, чтобы переводить, месье, – отчетливо произнесла она. – А не для того, чтобы потворствовать опасному флирту.

– Я надеюсь, меня вы не сочтете одним из тех, кто опасно флиртует, – сказал барон. – Да я, наверное, и не гожусь для таких игр. Никто уже больше не считает меня опасным, – уныло пожаловался он.

– Я уверена, что вы на самом деле очень опасный человек, – подбодрила его Хлоя.

В его улыбке выразилось почти что блаженство.

– А знаете, дитя мое... Вы, пожалуй, правы.

Сомнений нет, думал Бастьен, методически поглаживая пальцами крепкие груди Моники. Эта женщина явилась сюда не за ним. Иначе мадемуазель Хлоя не оттолкнула бы его так быстро. Даже посредственный агент знает, что переспать с противником – лучший способ выяснить то, что тебе нужно знать, а большинство мужчин уязвимее всего именно в то время, когда занимаются сексом.

Он не принадлежал к числу большинства мужчин. В венах у него тек жидкий лед, ледяная кровь прилиwała к члену, и даже на пике оргазма он был опасен. Хлоя не знала этого – она была достаточно неопытна, чтобы выдать свое знание языков в самый момент своего появления, и она схватила бы приманку, которую подвесили прямо перед ее носом, если бы и вправду нацелилась на него.

А это означало, что ее цель – кто-то другой. Вообще говоря, это его не касалось – у него есть своя работа, и за кем бы ни следила эта девушка, тот человек пусть сам о себе позаботится.

Но то здание, которое он с таким трудом строил несколько месяцев, не должно было рухнуть от вмешательства нежданного игрока, и он этого не позволит.

Его рука скользнула под шелковое платье Моники. Бюстгальтера она не носила, и Бастьен явно ее возбуждал, как, впрочем, и всегда. Ее муж был стар и покладист, пока она рассказывала ему свои приключения в подробностях, и Бастьен не сомневался, что старик разок-другой даже подглядывал за ними. Его это не подстегивало, но и не беспокоило. Он мог заниматься этим как в присутствии, так и в отсутствие зрителей, да и сама партнерша его мало интересовала, поскольку была лишь средством для достижения результата.

Моника в этом смысле ничем не отличалась от прочих. Все, что ему было сейчас нужно от нее, он получил на предыдущем свидании, но терять интерес так быстро все же не стоило. Она будет создавать ему меньше проблем, если он задерет ей подол и притиснет в темном уголке к холодной каменной стене замка.

Разумеется, за ними должны наблюдать. Камеры слежения, вооруженные охранники, патрулирующие с безукоризненной вышколенностью. Хаким, вполне вероятно, запишет их на кассету, а затем продаст копию старику – как продаст вообще все, что угодно, лишь бы цена была подходящей.

Он просунул руку Монике между ног, и она простонала, сцепив зубы. Нижнего белья на ней вообще не было – без сомнения, ради него старалась. Она принялась нащупывать «молнию» на его брюках, и Бастьен знал, что она ждет от него жесткого секса. Он сам хотел этого, предвкушая выражение ее лица, когда она кончит, и одной рукой потянулся к ширинке, чтобы помочь ей, – когда вдруг осознал, что представил себе не ее лицо. Это было лицо неопытной Хлои.

И внезапно ему расхотелось. Вместо того чтобы расстегнуть брюки, он просто отвел ее руку, а своей рукой довел ее до оргазма так грубо, что она взвизгнула, когда ее тело напряглось.

Вот этого не нужно. Он закрыл ей рот ладонью, и она тут же его укусила. Больно. Моника любила жесткие игры, и он знал, что она пытается высосать кровь.

Он заставил ее прекратить, и звук, который исторгся из ее глотки, был рычанием взнузданной тигрицы. Моника была кошкой – безжалостной, безнравственной, невосприимчивой к обычной боли. Под стать ему.

Но Бастьен потерял интерес. Он оторвался от Моника, отчего ее подол упал, скользнув по совершенным ногам. Она прислонилась к каменной стене, тяжело дыша открытым ртом, и ее глаза покрылись удовлетворенной поволокой. Вот сука, у нее рот в крови. Ему следовало опомниться раньше.

– Это было... интересно, – хрипло мурлыкнула она. – Но мы только начали.

– Мы закончили, – ответил он и поразился тому, что сказал. Он собирался еще поиграть с ней. В конце концов, в прошлый раз они встречались больше четырех месяцев назад, и немного бездумного секса было полезно для его обостренных чувств.

Но он ее не хотел, а больше от нее нечего было взять. И слишком много вопросов осталось без ответа в отношении той нервной женщины, которая приехала сегодня днем и смотрела на него так, будто он был взбитыми сливками, и застыла льдом, когда он коснулся ее.

– В чем дело? – требовательно спросила Моника.

Бастьен наклонился к ней и поцеловал ее полные красные губы, слизав с них собственную кровь.

– Мы с тобой прелестно провели время, но ты не думаешь, что пора подобрать себе кого-нибудь новенького? Твоему мужу, наверное, надоело слышать обо мне. В следующий раз выбери женщину.

Как он и ожидал, ее это не оскорбило. Она ответила своей кошачьей ухмылкой.

– А мы попросим мисс Андервуд к нам присоединиться. Это может оказаться довольно забавно.

Он хорошо умел скрывать раздражение.

– Она не в моем вкусе.

– И я тоже, очевидно. Уже нет. – Моника пожала плечами. – Увы, но, как ты и сказал, моему мужу надоело. Он любит, когда мужики причиняют мне боль, а ты в этом не мастер.

– Может быть, как-нибудь в следующий раз, – беспечно откликнулся Бастьен, ощутив слабое желание свернуть ей шею. Это была прекрасная шея, украшенная бриллиантами.

– Может быть, никогда, – ответила она, скользнув мимо него в гостиную. И даже не обернулась.

Он закурил сигарету, выпустил дым в небо, выбросил ее из головы и мысленно вернулся к более важным вещам. Кто нанял Хлою Андервуд и за кем именно она охотится?

И что за нелепое имя. С таким же успехом она могла назвать себя Мэри Поппинс. Это имя прекрасно сочеталось с ее прикрытием, но ей стоило бы подобрать что-нибудь чуть менее наивное.

Ее могла послать его собственная организация, но он в этом сомневался. Любой столь очевидный объект, как она, был бы убран давным-давно. И кто ей все-таки

нужен? Отоми, Рикетти или мадам Ламбер? А может быть, сам Хаким?

Одно было точно известно: ее не присылал самый опасный член этой уютной маленькой компании. Кристос Кристопулос не нанимает никого, кроме самых лучших, и редко использует женщин в любом их качестве.

Бастьен подумал о том, куда могла исчезнуть настоящая переводчица. Возможно, лежит в каком-нибудь закоулке с перерезанным горлом. То, что мисс Андервуд не была специалистом по маскировке, не означало, что она не может наилучшим образом выполнить грязную работу. Такие маленькие нежные ручки способны убивать так же эффективно, как и кулачищи Хакима.

И почему он все еще думает про нее, когда она уже так явно выдала, что пришла не за ним? Шепнуть словечко Хакиму – и она исчезнет, а он сможет сосредоточиться на своей работе.

Но ведь он устал от этой работы. Столько лжи, что он забыл, где правда, столько имен и личин, что он забыл, каков он настоящий. Столько лет, что он уже не понимал, где хорошие парни, а где плохие. И что еще хуже – ему было все равно.

По какой-то причине Хлоя Андервуд возбудила его любопытство. Сделала жизнь чуть интересней. Нет, совестно избавляться от нее так быстро. Эта работа не была особенно сложной – его прикрытие было разработано давно, и Хаким не составляет особой проблемы. Пока не появился Кристос, он может позволить себе небольшое развлечение. И если Хлоя станет препятствием на его пути, он сможет избавиться от нее так же легко, как и Хаким. Причем быстрее и милосерднее. Хаким любит заставлять их мучиться.

Он может наблюдать и ждать. Инстинкт подскажет ему, когда действовать, а сейчас можно достичь большего, просто потянув время. Пока Хлоя Андервуд не сделает свою последнюю, роковую ошибку.

Она сделала роковую ошибку, подумала Хлоя, ставя на стол бокал с вином. Ей ни в коем случае не следовало так много пить на относительно пустой желудок, и особенно тогда, когда нужно было постоянно оставаться начеку. Держаться во время долгого неспешного ужина казалось достаточно простой задачей. Разговор велся на светские темы, и ее почти не просили переводить, разве что

несколько слов. Что было очень кстати, поскольку стоило ей сделать глоток вина, как ее бокал немедленно наполняли вновь, так что к тому времени, как принесли сыр, она оказалась почти опьянена.

И даже тогда она была бы еще в порядке, если бы на все это не легли две порции скотча, которые она проглотила быстро одну за другой после того, как Моника фон Руттер вернулась в гостиную со смазанной помадой, растрепанной прической и сонной поволокой во взгляде.

Бастьен Туссен целовал ее в коридоре, затем проводил в комнату, полную народу, выбрал другую женщину и повел ее в сад, чтобы заняться сексом. Сомневаться в этом не приходилось – при одном только взгляде на пылающее лицо Моника все становилось кристально ясно.

Даже не подождала, пока утихнет этот пожар на лице, сердито подумала Хлоя, опрокидывая стакан с виски, который ей кто-то протянул. Бастьен проявил больше самообладания – впрочем, Монике-то было достаточно задрать подол, тогда как Бастьену пришлось возиться с «молнией» на брюках...

Хлоя осушила стакан залпом и потянулась за следующим. Господи, да ей-то какое к черту дело?! Очевидно, этот человек набросится на любую юбку, которая будет вертеться в поле его зрения достаточно долго, чтобы ее заметить. Хоть она-то сумела сразу его оттолкнуть.

Она тяжело опустилась в свое кресло, глядя на сыр с отвращением. Когда спустя несколько минут неторопливыми шагами вошел Бастьен, он выглядел так же невозмутимо и сдержанно, как и тогда, когда она его впервые увидела. Да она просто дура, если могла хотя бы допустить мысль о нем. Ничего нет неприятнее, чем мужчина, который не желает выказывать свою реакцию. Если кто-то способен выглядеть столь хладнокровно после быстрого секса в саду, тогда он точно не для нее. Она предпочитала мужчин, которые не боялись выдать свои чувства.

И она вообще все выдумала насчет них, напомнила она себе, и ни одно ее предположение не оправдалось. И не важно, в ее ли Бастьен вкусе или нет. Важно, что он определенно не ее уровня.

Он не глядел на нее, пока длился нескончаемый ужин, отчего стало совсем уж ясно, что его интерес к ней был лишь мимолетной забавой. Она торопливо пересела в свое кресло, переводя, когда в ее услугах нуждались, а все остальное время молчала. Моника фон Руттер, напротив, была душой компании – остроумная, очаровательная, она флиртовала с каждым, не разбирая, мужчина это или женщина.

Хлоя была готова спрятаться под стол от стыда, когда Хаким наконец поднялся и дал знак прекратить подносить нескончаемые блюда.

– У нас на завтра намечено очень много дел, дамы и господа. Предлагаю перейти в западный салон, там нас ждут кофе и ликеры, а затем отправимся на отдых. Кто желает, может прямо сейчас идти спать, это вполне простительно. – Он обратил взгляд своих пронзительных черных глазок на Хлою. – Вы нам сегодня больше не понадобится, мадемуазель Андервуд.

То, что ее освобождали, было на редкость кстати – ликер гарантированно отправил бы ее в нокаут. Она поднялась, довольно устойчиво держась на ногах, уверенная, что ее слегка неадекватного состояния никто не заметит, так как начался общий исход.

Бастьен наблюдал за ней. Она не представляла, почему это так, и фактически никак не могла поймать его за этим, но знала, что он наблюдал за ней весь вечер, пока очаровывал остальное женское общество.

Может быть, она разобралась бы во всем утром, когда выпитое вино перестанет дурманить рассудок и она хоть немного поспит, но в эту минуту она чувствовала смущение, беспокойство, непонятную тревогу. И странное, пугающее возбуждение.

Она забыла, какие извилистые коридоры в этом замке. Бастьен помог ей спуститься – но не просить же ей помощи у него, чтобы отыскать дорогу наверх! Лучше воспользоваться методом проб и ошибок.

Это заняло у нее больше времени, чем она ожидала. Надо было выяснить у кого-нибудь, какой коридор куда ведет, но к тому моменту, как она поднялась до середины основной лестницы, вокруг не было видно ни души. Она остановилась, стянула с ног туфли Сильвии на высоких каблуках, облегченно вздохнула и

продолжила подъем, рассудительно надеясь, что рано или поздно все-таки отыщет свою комнату.

Она не учла размеров замка. Даже на совершенно трезвую голову ей пришлось бы потратить массу времени, чтобы отыскать нужный коридор. В это время суток в тусклом освещении она могла блуждать до бесконечности, проходя один за другим роскошные залы, каждый из которых казался ей одновременно и знакомым, и впервые увиденным. Наконец она завернула за какой-то угол, и тут ей показалось, что перед ней знакомая дверь, и она буквально бросилась к ней, уверенная, что уж отсюда-то выберется в коридор, в котором расположена ее комната.

Хлоя ошиблась. В нос ей ударил тяжелый запах – запах гнили и плесени, запах обветшавшего древнего строения. Реконструкция только-только добралась досюда, сообразила она, вглядываясь во тьму. Насколько она могла судить, электричество еще не провели, но отраженный свет сквозь пыльное окно высвечивал то там, то тут жалкое зрелище, какое являл собой замок до того, как в него решились вложить очень много денег. Оштукатуренные стены покрылись трещинами и осыпались, неровный вздутый пол был весь в пятнах, банки с краской стояли как немые свидетели дальнейших планов восстановления. Сквозь запах сырости и плесени пробивался иной запах, который она никак не могла опознать точно: что-то древнее, мрачное и необъяснимо... зловещее. И выпитое вино определенно ударило ей в голову – в следующее мгновение она начала воображать, что ей угрожает какая-то опасность. С вином у нее вышел перебор, с фантазией тоже перебор. Она стала медленно пятиться из комнаты – и наткнулась на мощное человеческое тело.

Хлоя завизжала, и тут же ее крик оборвался – тяжелая рука схватила ее за плечо и развернула.

Это был месье Хаким. Она испытала физически ощутимое облегчение и чуть не расплакалась. Не то чтобы Хаким был белым и пушистым, но кто угодно лучше, чем этот Бастьен Туссен, от которого бросает в дрожь.

– Слава богу! – выдохнула она. – Я уже все здесь обошла и боялась, что никогда не найду свою комнату.

– Эта секция замка закрыта для посетителей, мисс Андервуд. Как видите, ее еще не реконструировали, и бродить здесь очень опасно. Если бы с вами случилось что-нибудь плохое, никто не услышал бы вашего крика.

Хлоя вдруг совершенно протрезвела. Глядя в темное спокойное лицо Хакима, она проглотила комок в горле. А потом заставила себя рассмеяться, снимая напряжение.

– Наверное, мне нужна карта, чтобы ходить по этому замку. Если вы укажете мне направление к моей комнате, я туда и пойду. Я замучилась.

Он так и не отпустил ее плечо. У него были толстые уродливые руки и пальцы, похожие на сосиски, поросшие черными волосами. Он ничего не сказал, и на одно короткое безумное мгновение ей показалось, что он собирается втолкнуть ее обратно в пустующее крыло замка, где ни одна душа не услышит ее крика.

Затем здравомыслие вернулось, да и Хаким выпустил ее, и, хотя его улыбка не являла собой ничего приятного, все же это была улыбка.

– Вам следует быть осторожнее, мисс Андервуд, – предупредил он. – Кое-кто здесь может оказаться поопаснее, чем я.

– Опаснее?.. – Она едва сумела сдержать дрожь в голосе.

– Например, месье Туссен. Он может быть просто очарователен, но вы мудро поступите, если станете держаться от него на расстоянии. Сегодня вечером я видел вас двоих в холле и испытал немалое беспокойство. За вас, мисс Андервуд.

Было достаточно темно, и он не мог видеть, как жарко вспыхнули ее щеки.

– Он просто показывал мне дорогу в библиотеку.

– Губами?.. Будь я на вашем месте, я оставался бы за пределами его досягаемости. Этот человек пользуется дурной славой. В том, что касается женщин, аппетит у него ненасытный, а вкусы, скажем так, странные. Я буду чувствовать себя ответственным, если вы попадете в беду, пока здесь

находитесь. Я ведь, в сущности, прежде всего ваш наниматель и не хотел бы, чтобы с вами стряслось несчастье.

– Я тоже этого не хочу, – кивнула Хлоя.

– Налево, затем два коридора, затем два раза направо.

– Прошу прощения?..

– Путь до вашей комнаты. Или вы хотите, чтобы я вас проводил?

Хлоя сумела не показать, как сильно ее передернуло.

– Я справлюсь, – сказала она. – Если опять потеряюсь, то закричу.

– Конечно. – Холодный голос Хакима прозвучал неутешительно и ничуть ее не ободрил.

Но она каким-то образом умудрилась добраться до своего коридора без дальнейших ошибок, и там ее никто не дожидался. Ненасытный месье Туссен, должно быть, уже выбрал себе партнершу на ночь, подумала она с легкой досадой и распахнула свою дверь.

Кто-то здесь побывал. Ключей тут не существовало, не впустить постороннего не было возможности, и ощущение нарушенного пространства непрерывно действовало на нервы. Она встряхнула головой, пытаясь отогнать призрак паранойи. Чем и кого могла заинтересовать нанятая на работу переводчица?

Постель была разобрана, поверх нее лежала одна из невесомых ночных сорочек Сильвии, а на золоченом прикроватном столике стоял поднос с хрустальным графином и коробкой шоколада.

– Расслабься, идиотка, – громко сказала она вслух, чтобы нарушить тишину, затаившуюся в комнате. – Это всего лишь горничная.

Ей захотелось свалиться в постель немедленно, и она стянула через голову творение из кружева и шелка. Если бы она еще хоть что-то соображала, то сразу

бы легла, но столкновение с Хакимом отбило у нее сон. Глоточек бренди будет как раз кстати.

Она не была специалистом-дегустатором, но чувство вкуса имела отличное, а коньяк отдавал чем-то непонятным. Какое-то легкое послевкусие, которое она не смогла определить. Что-то металлическое, как ей показалось, – но в таком месте, как Шато-Мирабель, никогда не подали бы плохой коньяк. Должно быть, у нее опять разыгралось воображение. Зато она сразу ощутила, как восхитительное тепло разливается по телу, а глаза закрываются сами собой. Сегодня ночью она будет спать крепко-крепко, и никаких снов. И никакого Бастьена Туссена.

И только тогда она ощутила легчайший ароматный след, задержавшийся в воздухе. Тонкий, характерный запах одеколона, который инстинктивно вызывал возбуждение. И тут она вспомнила... Шелковые отвороты костюма от Армани. Бастьен. Как же это...

Хлоя попыталась отставить бокал на поднос, но тот оказался гораздо дальше, чем она думала, вообще за пределами ее досягаемости, и бокал упал на пол, слабо тренькнуло стекло, разбившись вдребезги, и сама она сползла вслед за ним на ковер.

Не настолько уж она много выпила, подумалось ей, когда она попыталась сесть. Один глоток коньяка никак не мог довести ее до такого состояния.

Но с очевидностью спорить не приходилось. Кровать была такой высокой, взобраться на нее оказалось так трудно... Обюссоновский ковер под ней был мягок, как пух, и если она будет осторожной и не заденет острых осколков стекла, то сумеет свернуться уютным калачиком и погрузиться в глубокий блаженный сон...

Бастьен переступил порог ее комнаты и тихо прикрыл за собой дверь. Ему незачем было соблюдать крайнюю осторожность – он знал, где располагаются камеры слежения, и мог миновать их, не обнаруживая себя. Кроме того, он известен как истый донжуан, и ни у кого не вызовет удивления тот факт, что он покоряет очередную увиденную им красотку.

Впрочем, эта девушка не была красавицей. Он стоял над ней, разглядывая свернувшееся калачиком тело. Она была мила. Нет, не совсем подходящее слово. У нее хорошее телосложение, правильные черты, сладкие, чувственные губы.

Сладкие? Мила? Пожалуй, она лучше, чем он о ней думал. Ведь ухитряется же она выглядеть совершенно безобидной личностью.

Бастьен просунул под нее руки, поднял и переложил на кровать. Хлоя стерла макияж – может быть, поэтому и выглядела такой невинной. Ночная рубашка на ней была очень дорогой, на тонких атласных завязочках спереди. Одну за другой он развязал их, и рубашка разошлась в стороны, освободив ее тело.

Хорошее тело. Ягодицы несколько более пухлые, чем у большинства молодых французов, грудь тоже пышнее, но в целом молодое, сильное, отлично сложенное. Ни единого признака суровых тренировок, через которые она должна была пройти. Нежная мягкость рук и живота подсказали ему, что она должна быть горяча и желанна в постели.

Кого он хочет обмануть? Она перережет ему горло в постели, если он ненароком отвлечется. А траханье, что ни говори, отвлекает.

На ее коже были отметины – под самой грудью. Красные линии, по которым он провел пальцем, пытаясь определить, какую пытку она вынесла в далеком прошлом.

Тут он улыбнулся. Не в таком уж далеком – она попросту надела лифчик, который был ей слишком тесен.

Ни одна известная ему женщина не стала бы носить тесное белье, если бы ее к тому не вынуждало отсутствие выбора. Взгляд Бастьена скользнул по ее длинным ногам и остановился на ступнях. Линии там оказались еще более выразительными – она к тому же надела туфли не по ноге.

Средство, которое он положил в ее коньяк, действовало отлично – она проспит от шести до восьми часов кряду и проснется без похмелья, даже если она его заслужила после всего того вина, что выпила за ужином. Маленький подарок ей от него.

Он методически обыскал всю комнату и перерыл вещи. Девушка привезла с собой три пары туфель, все одного размера, все на тонких высоких каблуках. Через пару дней она будет хромать. Если к тому времени она еще здесь останется.

Черной одежды, полагающейся детективу, не нашлось. По крайней мере, в комнате, но она не могла спрятать ее в другом месте, не рискуя, что на нее наткнутся. Ни оружия, ни документов, представляющих интерес. Ее паспорт был превосходной подделкой – на фотографии внутри была изображена более юная и простоватая версия женщины, прибывшей сегодня. Предполагалось, что она приехала из Северной Каролины. Возраст – двадцать четыре года без малого, рост – пять футов семь дюймов, вес – сто двадцать один фунт. Приехала во Францию два года назад по студенческой визе. Имела разрешение на работу, что само по себе удивительно. Он никогда не доверял тому, кого слишком просто идентифицировать.

Никаких больше бумаг не было, ни фальшивых, ни настоящих. Денег немного. Ни лекарств, ни рецептов, вообще ничего личного.

В ее бумажнике обнаружилась пачка семейных фотографий – юная дама позировала на фоне разнообразных родственников. Подделать такое ничего не стоит.

Он положил бумажник на место и подошел к постели. Стекло разбилось на достаточно крупные куски, пролившийся напиток впитался в ковер. Убрать было легко – ему приходилось убирать гораздо худшие вещи. На этот раз не нужно ни вытирать кровь, ни избавляться от тела. Пока не нужно.

Бастьен вылил бренди со снадобьем в раковину в ванной и вновь наполнил графин из принесенной с собой фляжки. На всякий случай он принес другой бокал и теперь поставил его рядом с кроватью, предварительно плеснув туда немножко спиртного.

И вновь стал разглядывать девушку. По-видимому, она все-таки была настоящей профессионалкой – если он не сумел ничего добиться в своих поисках, значит, она представляет собой загадку, которую даже он не сможет разгадать.

Разумеется, остается вариант, что Хлоя говорила правду. Что она действительно двадцатичетырехлетняя женщина из Северной Каролины, которая понятия не имеет о том, кто и для чего здесь находится.

Но тогда почему она носит неподходящие туфли и неподходящий бюстгальтер? Почему она лжет о языках, которые знает?

Нет, судя по обстоятельствам, она никак не может быть непричастным посторонним человеком. Она здесь, чтобы причинить вред, а его задача – выяснить какой. И кому.

Он начал было вновь завязывать тесьму, которая удерживала распадающиеся полы шелковой сорочки, но остановился, оставив ее обнаженной ниже талии. Она будет гадать, в чем дело, но не вспомнит. На самом деле он сможет сотворить с ней все, что только пожелает, – а она не будет этого помнить.

Ему много что понравилось бы сделать с ней – но по большей части это делалось гораздо лучше в бодрствующем состоянии и при ее активном участии. Она могла быть достаточно неопытной, чтобы не воспользоваться выгодной ситуацией, когда он сегодня так вульгарно полез к ней, но он не стал бы полагаться на это. Она уже достаточно выдала себя. Лежа под ним, голая, чувствуя, как он движется внутри нее, она расскажет ему о себе больше, чем сама знает.

Но не тогда, когда она без сознания.

Он присел на кровать рядом с ней, разглядывая ее спящую. Все упростилось бы, если бы он убил ее прямо сейчас. Он может сделать это быстро, аккуратно, а потом просто сказать Хакиму, что он ей не доверял. Хаким такое поймет.

Бастьен положил руку на ее шею. Ее кожа была теплой и нежной, его загорелая рука выделялась на ее белизне. Он чувствовал, как мерно бьется ее пульс, видел, как поднимается и опускается грудь при дыхании. На мгновение он сжал пальцы, затем убрал руку.

Впоследствии он и сам не был уверен, почему это сделал. Нехарактерный для него поступок. Впрочем, в последнее время он то и дело играет по разным правилам. Или вообще игнорирует правила, которым его учили.

Он растянулся рядом с ней на постели, положив голову на подушку, на которой лежала ее голова. От нее веяло смешанным запахом душистого мыла, «шанели» и коньяка. Соблазняющее сочетание.

– Кто же ты, беби? – прошептал он. – И зачем ты здесь?

По крайней мере еще шесть часов она не сможет ответить. Он посмеялся сам над собой и встал с постели. Пора. Оружия у нее нет, значит, ее миссия заключается в сборе информации. А он может гарантировать, что ничего из того, что ей удастся узнать, не выйдет за стены замка.

Пора.

Глава 5

Хлоя никогда долго не нежилась в постели, просыпаясь. Она поднималась как по тревоге, чувствуя себя до отвращения бодро, и поднимала возню, пока ее полусонные родственники проклинали ее, угрожая пришибить на месте, если она немедленно не прекратит шуметь.

Это утро ничем не отличалось от прочих, за исключением того, что, когда глаза ее раскрылись, она не представляла, где находится.

Хлоя решила не паниковать, поскольку паника была зряшной тратой времени. Она лежала тихо, неподвижно, позволяя памяти всплывать из глубины. Замок и ее простодушное согласие занять место Сильвии. Слишком много вина вчера вечером и опытный рот Бастьена Туссена.

Ее уже сто лет не целовали, и ничего удивительного в том, что она все еще помнит ощущение его губ. Скверно, что она никак не может от этого освободиться. Что, если все это было спектаклем, который он разыграл? Он, наверное, хорошо разыгрывает спектакли.

Но она всегда была слишком разборчива, и слишком неуступчива, и, как говорили ее друзья, слишком американиста для того, чтобы по-настоящему

наслаждаться удовольствиями случайного секса. И хотя роман с кем-нибудь вроде Бастьена стал бы событием запоминающимся, в действительности у нее потом не осталось бы ничего, кроме воспоминаний.

Она села, стараясь не двигаться резко, и приложила руку к голове, ожидая вспышки боли, которую заслужила целиком и полностью, выпив столько красного вина. Но боль не пришла. Она попробовала покачать головой, приготовившись к тому, что задержавшаяся боль ударит ее в отместку еще сильнее, но ничего не почувствовала.

На прикроватном столике стоял коньяк. Она, оказывается, пила коньяк перед тем, как провалиться в сон, – и удивилась, что помнит это. Вообще говоря, ее опьянение не должно было быть таким уж глубоким, и все-таки странно, что больше она не помнит ничего. Выпила коньяку, а потом вроде бы уронила бокал. И упала.

Но она лежала на просторной уютной кровати, а бокал стоял на подносе, и на дне его оставались следы напитка. Должно быть, она выпила больше, чем ей кажется.

Она откинула покрывало и спустила ноги с кровати. И вдруг замерла. Ее рубашка... то есть рубашка Сильвии... она была шелковая, и сверху донизу по ней шел ряд тонких атласных завязок. Но теперь эти завязки были наполовину развязаны – от подола до талии. Что она делала ночью?

Да, что-то невесело. Хлоя приняла душ, оделась и старательно привела себя в соответствие роскоши, одолженной ей Сильвией. Взглянув на туфли из кожи молодого оленя, на их заостренные мысы и высокие тоненькие каблуки, она застонала. Может быть, стоит сказать, что в ней есть японская кровь, а потому она должна ходить босиком?

Нет, не прокатит. Сколько бы она ни мечтала об экзотической родословной, на самом деле она до уныния правильная американка англосаксонского происхождения, и на этот счет ей никого не удастся обмануть.

Она спустилась по лестнице, на этот раз не заблудившись, и успела как раз вовремя к легкому завтраку из кофе и фруктов перед началом работы. Участвующие восседали по обеим сторонам длинного стола для переговоров, и

почти каждого из них сопровождали помощники. Кроме барона фон Руттера, которому ассистировала его жена, холеная красавица Моника.

Во главе стола сидел Хаким, который указал Хлое на одно из пустующих мест справа от себя. Туссена в комнате не было – это она осознала уже сидя, когда допила кофе и осторожно поставила чашку на столешницу узорного орехового дерева. Может, судьба наконец над ней сжалилась?

Судьбе лучше знать. Бастьен появился мгновение спустя, неся кофе с собой, и занял оставшееся свободным сиденье. Рядом с ней.

Она слушала происходящее вполуха. Минута молчания в память их покойного коллеги, Огюста Ремарка. Хлое почему-то было знакомо это имя, хотя она не могла вспомнить, откуда его знает. Это мешало ей думать, и в конце концов она решила, что просто у кого-нибудь спросит. Или нет, лучше помолчать и попытаться самой выяснить, что там произошло.

В следующие несколько часов ей было не до размышлений. Организация пищевых импортеров спорила о перераспределении территории, и, хотя Хлоя обожала мясо молодого барашка, апельсины и хорошо приготовленную курятину, на этом и кончалось ее знакомство с предметом. Переговоры, которые ее просили переводить, сводили с ума своей нудностью, она всегда считала математику утомительным предметом, а подсчет абстрактных кур, поросят и баррелей зерна не возбуждал даже спящего внутри нее шеф-повара. Ее соседи по столу, видимо, полагали эту дискуссию просто захватывающей, а некоторые цифры, которые ей приходилось переводить, она даже плохо представляла. В евро, долларах или фунтах они обсуждали огромные деньги. Она понятия не имела, что бакалейщики способны накопить такие богатства.

Из-за того что Хлоя сидела у верхнего угла стола, ей приходилось поворачиваться, чтобы увидеть говорящих, и мужчина, который сидел рядом с ней, всегда находился в поле ее зрения. Несмотря на ее повышенную настороженность, Бастьен, казалось, совсем потерял интерес к ней, просто принимая к сведению ее существование. Поскольку он свободно разговаривал как на французском, так и на английском, ему не требовались ее услуги как переводчицы, и она могла откинуться на спинку стула и притвориться, что игнорирует его, машинально рисуя каракули на листах бумаги, которые бы ли разложены перед ними на столе.

Только один проблемный момент возник в течение долгого утомительного утра. Это было слово, которого она не знала, – в этом не было ничего удивительного, хотя она и говорила очень бегло.

– Что такое «леголас»? – спросила она. – Ну, кроме персонажа из «Властелина колец»?

В комнате повисла мертвая тишина. Только чья-то чашка звякнула о блюдце. Вся компания уставилась на нее, как будто она спросила об особенностях их сексуальной жизни или еще хуже – о величине годового дохода. Затем впервые за этот день к ней обратился Бастьен.

– Леголас – это порода овец, – сказал он. – Персонально вас это не касается.

Кто-то в комнате тихонько хмыкнул – то ли посмеялся над тем, как ее хладнокровно осадил, то ли еще по какой причине.

– Не задавайте вопросов, мисс Андервуд, просто переводите, – вмешался Хаким. – Если вы к этому не способны, мы найдем кого-нибудь еще. Мы не желаем, чтобы чья-то некомпетентность мешала нашей работе.

Хлоя никогда не умела достойно отвечать на публичные выговоры и сейчас просто решила, что Хаким – отвратительный человек. К этому времени ей ничего так не хотелось, как вернуться в Париж, чтобы ее отвезли туда в этом их роскошном лимузине и чтобы она больше никогда не видела никого из этих людей.

Никого? Она старательно избегала глядеть на своего соседа, но прекрасно знала, что никуда раньше времени не уедет.

– Прошу прощения, месье, – сказала она по-французски. – Если мне не нужно знать значения некоторых слов, я, конечно, не буду спрашивать. Просто я думала, что было бы полезней, если бы я лучше разбиралась в предмете обсуждения.

– Будьте внимательней, Жиль. – Моника издала хриплый смешок. – Бастьену не понравится, если вы запугаете его маленькую игрушку.

Бастьен поднял взгляд от стола:

– Ревнуете, моя прелесть?

– Прекратите! – рявкнул Хаким. – У нас нет времени пререкаться из-за пустяков!

Бастьен повернулся к Хакиму, и тут уж у него не было выбора: он взглянул на Хлою. И с широкой улыбкой поднял руки в знак капитуляции.

– Простите меня, Жиль. Вы же знаете, что я всегда легко отвлекаюсь, когда рядом хорошенькая женщина.

– Я знаю, что вы отвлекаетесь только тогда, когда хотите этого. И то же самое касается остальных. Но на карту поставлено слишком много, чтобы тратить время на эти игры. Все это слишком серьезно.

Утки, куры и поросята – слишком серьезно? К счастью, Хлоя просто моргнула. Ну естественно, импортеры всегда считают, что их товар, какой бы он ни был, влияет на судьбы мира. Люди за столом, казалось, были абсолютно лишены чувства юмора, но финансовые вопросы имеют такое свойство – они делают людей до смерти серьезными. Ей бы надо поумерить свое порой неуправляемое легкомыслие.

Хаким поднялся:

– Перерыв на ленч. На этой стадии мы пока остановимся.

– Отлично, – заметил Бастьен. – Я проспал завтрак и хочу есть.

– Вы не пойдете есть. – Остальные по одному выходили из зала, и Хлоя почла бы за лучшее уйти с ними, но, по существу, оказалась в ловушке между двумя мужчинами. – Я хочу, чтобы вы оказали мне любезность, – сказал Хаким.

Они ее совсем зажали.

– Простите. – Хлоя попыталась проскользнуть между ними.

– Вы часть этой любезности, мисс Андервуд, – остановил ее Хаким, положив руку на ее запястье.

Мужчины во Франции любят касаться женщин. Собственно, мужчины в Северной Каролине солидарны с ними в этом вопросе, и дружеское прикосновение воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Вот только она не считала прикосновение Хакима дружеским. Ни на йоту.

– Разумеется, – немедленно откликнулся Бастьен, глядя на ее застывшее лицо и явно забавляясь. – Что вы хотите, чтобы мы сделали?

– У меня есть поручение для мисс Андервуд, и я буду признателен, если вы ее отвезете. Мне нужны книги.

– Книги? – эхом отозвалась Хлоя.

– Для моих гостей. Они не могут все время работать, им нужно что-нибудь, чем можно заняться в свободное время. Вы должны знать, что тут требуется. Я уверен в этом, учитывая ваш опыт в издательской работе. Просто подберите дюжину книг на самых распространенных языках. Французские, английские, итальянские и немецкие. Что-нибудь легкое и развлекательное – на ваш вкус.

– Но ведь есть же лимузин? – запинаясь, произнесла она. – Просто совестно заставлять месье Туссена тратить свое время на подобные поручения и отвлекать от работы.

– Месье Туссен будет более чем счастлив, имея возможность улизнуть хоть ненадолго, правда, Бастьен? Особенно в компании такой очаровательной юной дамы. А лимузина, увы, нет – он на техосмотре.

Почему, черт возьми, он ей лжет? У него нет причин лгать – ему незачем выдумывать повод, чтобы избавиться от нее. Он может просто дать ей пинка и на том покончить.

– А сегодняшняя работа? – Бастьен как будто все еще сомневался. – Мы не хотели бы что-нибудь пропустить.

– Не беспокойтесь, Бастьен. Я всегда учитываю ваши интересы, вы это прекрасно знаете. Мы поднимаемся и падаем вместе. А принять решение о том, кто станет новым главой, мы все равно никак не сможем, пока отсутствует мистер Кристополус. Сегодня днем все будут просто торговаться за позиции. Вы спокойно можете взять отпуск и доставить себе удовольствие. Возьмите мисс Андервуд и устройте роскошный и долгий ленч в Сен-Андре. Не торопитесь.

Хлоя ломала голову в поисках повода для отказа, пусть хоть самого непритязательного, – но в эту минуту ничего не могла придумать.

– Если вы уверены, месье Хаким...

Жиль Хаким благожелательно улыбнулся ей, и только ее воображение да случайная игра теней в ярко освещенной комнате могли придать этой улыбке потаенно зловещий оттенок.

– Я уверен, мадемуазель. Завтра утром пора будет возвращаться к работе. Пока же наслаждайтесь!

– Я прослежу за этим, – сказал Бастьен, прикоснувшись к ее руке. В отличие от Хакима, который сдавил ее руку, он лишь слегка дотронулся до нее, но Хлоя пошла за ним немедленно.

Однако ощущение его руки на ее коже растревожило ее ничуть не меньше, думала она, позволяя ему вывести ее из комнаты. Соприкосновение с его кожей было тоже своего рода угрозой, опасно притягательной угрозой.

Сразу, как только они покинули комнату, рука ее освободилась точно сама собой.

– Если вы одолжите мне свою машину, я уверена, что сама смогу найти книжный магазин, – сказала она ровным голосом.

– Но тогда я упущу возможность провести время с вами, – улыбнулся он. – И кроме того, никто не может вести мою машину, только я сам. Я на этот счет привередлив. Почему бы вам не подняться и не сменить туфли на более удобные? Наверняка у вас что-то такое есть.

Она отдала бы десять лет жизни за более удобные туфли, но Сильвии и в голову не пришло, что это может оказаться необходимо, точно так же, как не пришло в голову, что у них существенно разные размеры. Хлое только чудом удавалось не хромать, но она ответила с ослепительной улыбкой:

– Эти туфли вполне удобны. Если вы готовы, я тоже. Чем скорее мы поедем, тем скорее вернемся.

– Ясно, – пробормотал он. – Хотя знаете что? Я не верю, что вы были настолько же честны, когда говорили о туфлях.

В середине его фразы было сделано слабое ударение, как будто он намекал на ее нечестность и в другом смысле. Или ее свихнувшееся воображение опять пустилось вскачь?

У Бастьена был спортивный «порше». Ну разумеется, подумала Хлоя, устраиваясь на переднем сиденье. Он долго ждал ее, пока она ходила за сумочкой, а она тем временем лихорадочно перемерила каждую пару туфель из тех, которыми снабдила ее Сильвия, но каждая следующая оказывалась хуже предыдущей. Наконец она схватила пальто и выскочила, на этот раз добравшись донизу без приключений, и все затем, чтобы увидеть Бастьена, стоявшего в ожидании у дверей своей приземистой машины.

День был хмурым, и верх машины – поднят. Несмотря на то что солнце не слепило глаза, на Бастьене были темные солнцезащитные очки, и он ждал ее, спокойно прислонившись спиной к машине и скрестив руки на груди. Опять на нем был сшитый на заказ костюм из шелка, возможно от Армани, светлая шелковая рубашка. Его темные волнистые волосы спадали на шею, лицо было непроницаемо. Он открыл перед ней дверцу, и внутри оказался маленький уютный салон. Слишком уютный.

А она не могла придумать совершенно никакой причины, чтобы не ехать с ним. Повесив сумочку, одолженную Сильвией, на плечо, она влезла на низкое сиденье и гордо выпрямилась, отказавшись принять его руку в качестве помощи. И услышала его негромкий смешок прежде, чем он захлопнул за ней дверцу.

Внутри «порше» оказался именно таким крохотным, как она и боялась. А Бастьен показался крупнее. В замке он был обычным мужчиной – элегантным, хорошо

сложенным, не слишком высоким, не слишком мускулистым. В машине же его присутствие подавляло, а ноги оказались намного длиннее, чем она думала. Он отодвинул водительское сиденье до самого упора и взглянул на небо, прежде чем завести двигатель.

– Вы уверены, что не хотите взять зонтик? – спросил он. – Погода переменчива.

Сильвия не положила ей зонтик.

– Надеюсь, дождь начнется позже, когда мы уже приедем назад. Нам незачем слишком задерживаться. Мне просто нужно подобрать несколько романов для гостей месье Хакима, и мы сразу поедем обратно.

– Как насчет ленча? – Бастьен вывернул на длинную извилистую подъездную дорожку, ведущую от замка.

– Я не голодна, – солгала Хлоя. – Если мне захочется есть, я смогу перехватить что-нибудь по возвращении.

– Как вам будет угодно, Хлоя, – ответил Бастьен голосом, который был похож на шелк его угольно-черного костюма, на шелк его загорелой кожи на тонких запястьях. Его руки лежали на руле, худые, красивые, на пальце обручальное кольцо. Ну конечно же.

А еще эти руки выглядели очень сильными.

– Лучше пристегнитесь. Я езжу быстро.

Хлоя открыла было рот, намереваясь протестовать, но передумала. Она уже привыкла к сумасшедшим европейским водителям и скоростям, да и в конце концов – чем быстрее он поедет, тем быстрее это все закончится. Она пристегнула ремень и откинулась на кожаном сиденье.

– Полагаю, вы не захотите со мной разговаривать? – поинтересовался Бастьен. Они говорили по-английски, осознала она, и уже по крайней мере несколько минут кряду. Она даже не заметила.

Разумеется, она была не в настроении поддерживать легкий разговор хоть на английском, хоть на французском, поскольку легкий разговор подразумевал флирт, а его обручальное кольцо было откровенно выставлено напоказ.

– Я очень устала, – сказала она, закрывая глаза.

– Тогда я включу музыку. – Голос Шарля Азнавура наполнил машину, и Хлоя едва сдержала легкий стон. К Азнавуру она всегда питала большую слабость, и тело ее таяло под песню о печальной Венеции.

Хлоя могла утонуть в звуках его голоса, могла забыть, где она и с кем. Только вот Бастьена не так-то легко было игнорировать. Он не говорил ни слова, но наполнял ее чувства – тонкий запах его очень дорогого одеколона дразнил ее, тихий шелест его дыхания звучал для нее как серенада.

Этот одеколон обладал коварным обаянием. Обязательно надо спросить Бастьена, как он называется, и купить такой же своим братьям. Впрочем, вряд ли это здравая мысль. Она не сможет чувствовать запах этого одеколона и не вспоминать о Бастьене Туссене. Нет, чем скорее его образ – образ неотразимо привлекательного соблазнителя, связанного брачными узами, – исчезнет из ее жизни, тем будет лучше.

Она сделала страшную ошибку, думала Хлоя, пока голос Азнавура обволакивал ее шероховатой мягкостью шелка-сырца. Она жаждала приключений, немного легкого секса и острых ощущений, чтобы встряхнуться. Она получила совсем немного легкого секса, и это было уже больше чем достаточно. Она и к этому не была готова. А ведь это был всего лишь поцелуй. Оставалось только надеяться, что судьба не подбросит ей острых ощущений соответствующего уровня.

«Я просто шутила, Господи. – Она обратилась мыслями к Небесам, по-прежнему пытаюсь притворяться, что крепко спит. – Милая, уютная, скучная жизнь в Париже – вот единственное приключение, которое мне нужно».

Будьте осторожнее в своих желаниях. Она приоткрыла глаза, совсем чуть-чуть, чтобы украдкой бросить взгляд на Бастьена. Его внимание было сосредоточено на узкой дороге, бегущей перед ними, его руки свободно и уверенно лежали на маленьком руле, и он держал хорошую скорость, пролетая мимо сельских пейзажей. Вдруг ей пришла в голову глупая мысль, что, пока Бастьен считает,

что она спит, может хорошенько рассмотреть его и сделать какие-то выводы. Бастьен выглядел все так же – прямой нос, красиво очерченный рот, спокойное, слегка ироничное выражение лица. Как будто он давно понял, что мир – всего лишь чья-то очень невеселая шутка.

– Изменили свое мнение насчет ленча? – спросил он, не повернув головы. Вот и конец ее наблюдениям: он знал, что она подсматривает за ним, но, как обычно, не выдавал себя.

Хлоя вновь закрыла глаза, отгородившись от него.

– Нет, – отрезала она.

И ее желудок взмолился о пощаде, заглушаемый песней Шарля Азнавура.

Бастьен знал точно, в какую минуту она действительно заснула. Ее руки лежали на коленях, стискивая кожаную ручку сумочки, и вот они расслабились. Дыхание замедлилось, и милый ротик перестал сжиматься в тонкую нервную линию. Надо было сказать, чтобы она хоть здесь сняла свои туфли, пусть ноги отдохнут. Однако она могла опять ответить, что они ей не жмут.

О чем еще она солгала? Было бы интересно выяснить, и, если все пройдет гладко, у него будет на это достаточно времени. Сначала он должен найти телефон-автомат и позвонить Гарри Томасону, спросить, знает ли что-нибудь Комитет об истинном лице Хлои. И заодно выяснить, что они собираются предпринять в связи с отправкой в Турцию партии овец породы леголас. Которые вовсе не были овцами, это было мощное оружие с инфракрасным прицелом и «умными» пулями, способными причинить максимальный вред, будучи выпущенными даже самым неопытным стрелком. У него не было сомнений насчет того, что именно потребует от него Комитет. Пусть оружие будет доставлено, пусть погибнут невинные люди, но Комитет продолжит охоту за более крупной рыбой. Побочные жертвы – так это у них называлось, и Бастьену давно уже было наплевать на все.

Он взглянул на свою спящую соседку. Она долго не продержится, слишком мало умеет. Но в ее случае это не будет побочной жертвой, это всего лишь судьба солдата на войне.

Бастьен только надеялся, как это ни странно, что не ему придется стать тем, кто ее убьет.

Глава 6

Хлоя проснулась мгновенно, как только машина остановилась у маленького придорожного кафе. Она понятия не имела, сколько проспала, но все еще не могла поверить, что позволила себе такое, будучи запертой в тесном пространстве с Бастьеном Туссеном. Должно быть, так сработал инстинкт самосохранения.

– Выходите, – сказал он, даже не подумав заглушить двигатель. – Это в высшей степени скучный маленький городок Сент-Андре. За углом есть маленькая книжная лавка, а если вы измените свое мнение насчет ленча, сможете поесть в этом кафе. Я вернусь через пару часов.

– Вы вернетесь? Куда вы едете?

– У меня есть еще дела. Если вы рассчитывали на мою компанию, к сожалению, должен вас разочаровать, но некоторые вещи требуют моего внимания...

– Я не разочарована, – ответила Хлоя, чувствуя странное раздражение. За ветровым стеклом небо было темным, затянутым тучами, а город выглядел сиротливо маленьким и унылым. – Вы уверены, что в том магазине найдется все, что мне нужно? Городок слишком мал.

– Не имеет значения. Хакиму вообще не до книг – он просто хотел избавиться от вас на несколько часов. От меня тоже. Я уверен, что он даже не взглянет на то, что вы привезете.

Хлоя уставилась на него:

– Не понимаю.

– Что тут понимать? Таким образом он убьет двух зайцев одним выстрелом. – Его руки уверенно лежали на рулевом колесе. Красивые руки. Даже с обручальным кольцом на пальце.

Она открыла дверь и выскользнула из низко сидящего авто. Температура резко упала, поднялся ветер и погнал опавшие листья вдоль узкой мостовой.

– Два часа? – переспросила она, взглянув на часики.

– Примерно.

И в ту же секунду, как она вышла из машины, он рванул с места со всей возможной скоростью и исчез вдали.

Было уже больше часа – судя по скорости, с которой Бастьен водил машину, он должен сейчас быть где-то на полпути до Марселя. Хлоя пожалела об отсутствии зонтика – погода становилась все мрачнее с каждой минутой.

И все-таки к лучшему, что он уехал. Его присутствие нагоняло на нее беспричинную нервозность, и ей это вовсе не нравилось. Обычно мужчины предсказуемы: что вы видите, то и получаете. Но Бастьен принадлежал к какой-то совсем иной породе людей. Она ни в чем не была уверена, если это касалось его, – его национальность, его бизнес, даже его то возникающий, то пропадающий интерес к ней – все это оставалось загадкой. Единственное она точно знала – водит он слишком быстро. И пахнет слишком хорошо.

Сначала Хлоя направилась в книжный магазин. Как бы там ни было, но она никак не могла отказаться от поручения Хакима на том основании, что оно было фальшивым: она в любых обстоятельствах оставалась добросовестным работником. Указанное место оказалось трудно найти: ей пришлось спрашивать дорогу у пожилой женщины с кислой миной на лице, которая определенно не ответила бы ей на английском, даже если бы понимала его. К счастью, Хлоя знала, что у нее превосходное французское произношение – результат обучения с детского сада при частной школе для девочек, куда ее отправили родители. Она походила скорее на бельгийку, нежели на француженку, но это было более приемлемо, чем низкое американское происхождение.

Книжный магазин оказался в таком жалком состоянии, как она и ожидала. Он был забит остатками какой-то старой профессорской библиотеки, и некоторые названия были настолько невразумительными, что она и перевести-то их не могла. Разумеется, все это было на французском, и ни одной книги в суперобложке. Должно быть, они все были изданы до войны.

Все-таки Хлоя подобрала и купила пару романов. Если они не подойдут франкоговорящим гостям Хакима, она прочитает их сама. Затем она направилась в кафе. Возможно, поблизости найдется газетный киоск – глянцевого журналы вместо книг вполне могли бы скрасить скуку бакалейщиков в перерывах между торговыми переговорами.

Но киоска не оказалось, и даже газет не продавали в неряшливой крохотной забегаловке. Но по крайней мере, там была еда, а к этому времени Хлоя уже умирала от голода.

Она заказала багет и сыр, запив еду глотком крепкого кофе вместо вина, которое обыкновенно брала к обеду. В ее планы не входил алкоголь, пока она не выполнит эту странную работу, на которую заманила ее Сильвия. И чем скорее она отделается и вернется в свою крошечную квартирку, зажав в кулаке пачку евро, тем счастливее будет.

Обед она растягивала сколько могла, то и дело поглядывая на часы. Было уже около двух – наверняка Бастьен вот-вот появится. Хоть бы успел вернуться до дождя.

Она оплатила счет и вышла, высматривая на улице знакомый «порше». Улицы были пустынные, ветер трепал юбку вокруг ее ног, а когда она попыталась зайти обратно в кафе, наткнулась на плотно закрытую дверь и табличку «Закрито» на французском, выставленную в окне.

И в то же мгновение на нее упала первая капля дождя, а за ней другая. Надеюсь пересидеть в кафе, она забарабанила в дверь кулаками, но ее игнорировали. Похоже, в списке интересов хозяев клиенты стояли отнюдь не на первом месте, и люди внутри попросту ее не слышали. Или же притворялись, что не слышат.

Хлоя опять побежала в книжный магазин, но, как ни торопилась, там тоже успели закрыть и запереть дверь. Она нырнула под навес над входом и стояла

там, вздрагивая от холода и кутаясь в пальто, а мелкие капли дождя собрались вокруг сплошной туманной завесой. Город был настолько мал, что других общественных зданий она вообще не увидела. Почта к полудню была также закрыта, а есть ли здесь еще магазины, она не знала.

Зато в поле ее зрения оказалась старая церковь. Хлоя почувствовала угрызения совести: чтобы в кои-то веки зайти наконец в церковь, ей понадобилось искать укрытие от ледяного дождя, – но выбора у нее не было. Церковь стояла на углу центральной площади – оттуда ей даже легче будет поглядывать, не возвращается ли Бастьен, и там наверняка теплее, чем снаружи.

Но там тоже было заперто. Да что, черт возьми, это за город, где запирают церковь?! А если бы она была несчастной грешницей, жаждущей исповедаться или погрузиться в молитву?

Собственно, по церковным канонам она и была несчастной грешницей, хотя уже много месяцев как ей не выпадало случая как следует согрешить. Но этот маленький город явно не страдал святостью. Она поплотнее прижалась к церковной двери, пытаясь уберечься от дождя, и смотрела, как стучат по мостовой капли, сбегая ручейками меж булыжниками, которые прекрасно выглядели со стороны, но на которых она чуть не сломала себе лодыжку. Стало еще холоднее, и Хлоя, дрожа, обхватила себя руками. И в довершение всего она вдруг осознала, что где-то по пути потеряла купленные книги.

– Сукин сын, – пробормотала она, но остановилась, вспомнив, где находится. Только этого ей не хватало для полного счастья. Бастьен уехал сто лет назад, а с ее везением он может и не вернуться. Она застрянет в этом враждебном безымянном городке, умрет от пневмонии, и Сильвия подберет себе новую соседку.

Сквозь завесу дождя вспыхнули огни, осветив ее, скорчившуюся у дверей. «Порше» затормозил перед ней, а она так и осталась стоять неподвижно, когда Бастьен опустил окно.

– Виноват, задержался, – сказал он, даже не потрудившись добавить виноватую нотку к голосу. – Я ведь говорил – надо было взять с собой зонт.

– Сволочь, – пробормотала она, наконец дойдя до предела. Схватив туфли, которые сняла раньше, она опять вышла под дождь, забралась на переднее сиденье и принялась трясти головой, разбрызгивая с волос воду не хуже промокшей собаки.

Бастьен не стал протестовать, чем лишил ее половины удовольствия.

– Виноват, – повторил он. – А где книги?

– Потеряла.

– Вы в полном беспорядке, – заявил он, критически ее оглядывая. – Эта одежда уже никуда не годится.

Тонкая шелковая блузка прилипла к ее груди, к бюстгальтеру, который был ей слегка мал, и она принялась отдирать ткань от кожи. Сильвия всегда любила эту блузку – так пусть это будет ей за то, что она втянула ее в этот кошмар.

– Вы замерзли, – отметил он.

Хлое пришло в голову сразу несколько ответов, в основном одинаково начинавшихся, но она справилась с соблазном выговориться.

– Да, я замерзла, – подтвердила она и потянулась, дрожа, за ремнем безопасности. Ее руки слишком сильно тряслись, чтобы она могла застегнуть его, и, в конце концов оставив эту мысль, она откинулась на кожаном сиденье, надеясь в душе, что влага и его испортит.

Бастьен не заводил машину – он смотрел на нее. Или, по крайней мере, ей казалось, что смотрит. Внутри машины, стоящей под проливным дождем, было очень темно, а он не включал свет.

– Хотите поехать в отель и избавиться от этих мокрых тряпок? – Точно так же он мог бы спросить, хочет ли она мороженого – до того небрежен был его голос.

– Нет уж, – язвительно отрезала она. – Просто включите печку, и будет нормально.

Он завел машину и помчался по дороге с той же самоубийственной скоростью, что и прежде, но на этот раз было темно, хлестал ливень, а Хлоя не пристегнула ремень безопасности. «Порше» мог быть отличной машиной, но его система отопления оставляла желать лучшего, и полчаса спустя Хлоя все еще мерзла, вцепившись в незастегнутый ремень, потому что хотела сохранить хоть малый шанс выжить, если Бастьен в своей бешеной спешке перевернет их.

Снаружи к этому времени сгустилась непроглядная тьма не только из-за дождя, но и из-за позднего времени, и Хлоя пыталась поудобнее устроиться на сиденье, надеясь, что Бастьен позабудет о ее существовании, и слегка злясь, что он действительно о ней забыл, – когда он вдруг резко затормозил, и машина пошла юзом по мокрой мостовой, пока почти не уперлась в живую изгородь.

Дорога была слишком узкой, чтобы парковаться у обочины, но за все время поездки им не встретилось ни единой другой машины. Отчего, когда Хлоя об этом подумала, ей на самом деле стало еще неуютнее. Она была одна на темной дороге с мужчиной, которого не знала и которому не доверяла.

На этот раз он включил подсветку приборного щитка, и она отбросила в тесное пространство резкую и безжалостную тень. Бастьен больше не выглядел очаровательным и элегантным. Он выглядел опасным.

– Какого черта вы там возитесь? – буркнул он.

– Пытаюсь застегнуть ремень безопасности. – К несчастью, голос ее слегка дрожал от холода. – Вы водите слишком быстро.

– Идиотка! – сквозь зубы прошипел он и зачем-то протянул руку за спинку сиденья. Его напряженные мышцы в этот момент слегка задели ее тело, и она задержала дыхание, пока он не отодвинулся. В руке его оказалась белая рубашка, и, прежде чем Хлоя сообразила, что Бастьен собирается делать, он зажал в сильных пальцах ее подбородок и принялся оттирать ее щеки мягкой тканью.

– Вы похожи на енота, – невозмутимо заявил он. – Макияж потек по всему лицу.

– Прекрасно, – пробормотала Хлоя, потянувшись за рубашкой. – Я сама справлюсь.

Он отдернул рубашку, чтобы она ее не достала, и приказал:

– Сидите спокойно.

Бастьен стал на удивление осторожно промокать тканью кожу вокруг глаз. От рубашки исходил ускользящий аромат его одеколона, сигарет, которые он вроде бы не курил, ни с чем не сравнимый запах его кожи. Почему она уже знает, как пахнет его кожа?

Он бросил рубашку ей на колени, но подбородок не отпустил.

– Так. Уже намного лучше. Теперь лицо у вас просто странное и испачканное. Они там уверены, что мы провели этот день в постели. Именно это мы, наверное, и сделали бы, не будь вы такой американкой.

Хлоя попыталась резко освободиться, но он держал ее с большей силой, чем ей казалось.

– Но не сделали.

– К нашему общему стыду. Вы разочарованы? Мы можем сделать крюк на обратном пути – Хакиму не будет до нас дела, пока он нас не увидит.

– Нет, спасибо. – Она постаралась произнести это со всей вежливостью, которую позволило ее воспитание.

Бастьен не шевельнулся, но не отпустил ее подбородок, и его темные, почти черные глаза вглядывались в ее глаза, как будто он изучал что-то в их глубине. Хлоя ничего не могла видеть в его глазах, но дыхание ее внезапно прервалось, и она поняла, что сейчас должно произойти.

– Это ошибка, – тихо произнес он.

И прежде чем она успела переспросить, о чем речь, поцеловал ее, а его длинные пальцы крепко удерживали ее лицо, пока он припадал к ее рту своим.

Не зря это зовут французским поцелуем – было последней связной мыслью Хлои. Бастьен был непревзойденным мастером, он начал с легчайшего прикосновения к ее губам, затем стал нежно водить по ним языком. Хлоя знала, что должна его оттолкнуть, но только приоткрыла рот, понимая, что совершает величайшую глупость.

Но какой вред может причинить поцелуй? Особенно поцелуй, исполненный столь талантливо. В тесной кабине «порше» у них вряд ли получится что-то большее, а сразу по возвращении в замок ей стоит только сделать усилие – и она будет держаться от него на расстоянии. Так почему бы ей просто не расслабиться на кожаном сиденье, не позволить ему целовать ее, медленно, эротично, теперь уже слегка прикусив и потянув ее нижнюю губу, отчего у нее вырвался тихий стон.

Бастьен поднял голову; его глаза мерцали во тьме.

– Тебе это нравится, Хлоя? Ты можешь сама поцеловать меня.

– Я... я думала, мы решили, что это неумная идея, – запинаясь, проговорила она. Ей казалось, что она дрожит от холода, но на самом деле внутри нее разгорался жар.

– Неумная, – согласился он, касаясь губами впадинки у нее под ухом. – Но умные идеи – они такие скучные...

На этот раз он поцеловал ее страстнее, и теперь это уже не было нежным соблазнением. Теперь это было требование, неумолимое требование, которому она жаждала подчиниться.

Рука Бастьена легла на ее бедро и проникла под измятую шелковую юбку, и его прикосновение жгло, точно пламя; язык пламени лизнул ее. Она хотела остановить его, но рука отказалась ей подчиняться. Она смогла лишь прижать его руку к своим бедрам, отчего ей едва ли стало легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/styuart_enn/chernyy-led

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)